

ЕВГЕНИЙ ДОРОДНЫЙ

ИСКАТЕЛЬНИЦА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

18+

Евгений Дородный

Искательница приключений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71188600

SelfPub; 2024

Аннотация

Наёмницу с магическими способностями, привыкшую побеждать врагов и разгадывать тайны, кусает вампир в заколдованном лесу. Укус не обращает её, но оставляет незаживающий след в душе и множество вопросов: почему вампир выбрал её? Почему пощадил? Что за странная связь возникла между ними?

Решив во что бы то ни стало узнать правду, Искательница приключений отправляется на поиски вампира в далёкий портовый город, а по её следу идёт слуга бывшего нанимателя, влиятельного и беспощадного человека. Сможет ли Искательница раскрыть тайну укуса, не потеряв себя в этом приключении?

Книга написана богатым образным языком и изобилует напряжёнными столкновениями с врагами и даже союзниками Искательницы. Но действие разворачивается и в глубоком, противоречивом внутреннем мире героини, с её представлением о добре, зле и справедливости.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Евгений Дородный

Искательница приключений

Пролог

Стоило пройти по этому городу, и в глаза бросалось отсутствие мостовых при двух – и трехэтажных каменных домах, а разреженность воздуха свидетельствовала о (руко-творной) возвышенности, поднимающей эти улицы, эти стены к небу. Каменную кладку дорог здесь заменял привозимый с берега песок: западный горизонт в этих краях принадлежал морю.

Камни зданий скреплялись известью: город заложили в эпоху, в которой не пользовались выделяющим меньше влаги вяжущим веществом. По-прежнему же покатые, с водостоками, крыши заставляли задуматься о дождливом климате, который ничуть не изменился тут, вопреки тому что за минувшие годы на юге материка стало суше и теплее.

По извилистой дороге от южных ворот можно было спуститься к причалам, к которым приставали по потолок трюма груженные строительным материалом суда, равно как и многопалубные обшитые медью транспорты с пехотинцами

и офицерами, обученными вести войну на суше и море. Но заходили в порт и корабли с предметами искусства (книгами, скульптурой, живописью), поскольку, несмотря на то что город был скорее обиталищем нацеленных на завоевание умов, культура в нем ставилась едва ли не превыше всего. Настоящим полководцем считался здесь способный зреть в корень теологических, философских и экзистенциальных вопросов наряду с экономико-милитаристическими человек.

Как и следовало ожидать, гордился город своей библиотекой, чьи высеченные из скалы стены поднимались от центральной площади выше любого когда-либо построенного тут здания, и причиной тому был не только тот факт, что в библиотеке нашла себе место военная академия с бесчисленными залами, классами и покоем учеников и учителей. Жители города оставили в прошлом веру в деньги и производство, одновременно с закладкой фундамента в виде насыпи на морском берегу: они тогда уже знали, что мир принадлежит тому, кто владеет и пользуется знанием. А о меньшем, чем о власти над миром основатели города и не помышляли.

Поэтому самые разные предметы-хранители знания, начиная с высушенных на солнце и обожженных на огне глиняных табличек с начертаниями древних и заканчивая увесистыми книгами в переплете из толстой телячьей кожи, написанными уже пером и чернилами, тесно уставляли взмывающие ввысь полки, и почти всегда приходилось пользоваться длинными лестницами, чтобы достать тот или иной

экземпляр. А быть библиотекарем тут означало быть уважаемым человеком, на обучение которого уходил не один десяток лет, ведь ожидалось от него больше, чем только знать, в какой секции укрывался искомый источник знания. Требовалось от библиотекаря точное представление обо всем, что собралось здесь, под четырьмя вытесанными в сером камне округлыми куполами.

Широкая площадь у библиотеки не служила местом собраний и тем более ярмарок. К этому едва ли не единственному мощенному щебнем месту относились с благоговением и не поднимали шума на его камнях ни при каких обстоятельствах. Идущему в библиотеку человеку площадь служила тихой заводью, оплотом спокойствия, в котором он оставлял судорожную лихорадку мыслей, с пренебрежением выбрасывал ее из головы. Ни разу за всю историю города не звучала тут речь оратора, и не проводилось никогда народное голосование с целью избрать правителя на суровые времена: площадь была ограждена от страстей, а вместе с ними – от амбиций излишне честолюбивых граждан и полководцев града.

Что касается самих жителей города, то одевались они в плотные одежды, которые силился продуть вездесущий ветер, плотные и крепкие по традиции: их предшественниками были одеяния воинские, а воинскими одеяниями следовало служить долго, да еще и защищать своих хозяев от случайного удара. И все же штаны, рубахи, всевозможные ви-

ды женских нарядов нельзя было назвать грубыми. Пусть до пестрой цветастости в раскрасках и вычурности в покроях они не доходили, но ткались они и шились из разнообразных полотен, по природе и рукотворным образом окрашенных в мягкие цвета.

Язык горожан отличался грубоватостью и присущей ей особой красотой. Запас слов был большим и позволял многими путями описывать одну и ту же особенность одной и той же вещи, что давало возможность мастерам красноречия и словесности преподносить поистине сочные плоды устной и письменной речи в своих произведениях и выступлениях. Большая же часть граждан, даже из самых низов, читала и писала: их с детства обучили грамоте. Считалось приличествующим в городе знать больше трех языков, то есть хотя бы два иноземных в дополнение к родному, однако слова и выражения других народов, с которыми горожане имели дело, к их языку не приживались. Потомки воинов и строителей, объединенные идеей создания сильного государства, они ревностно следили за чистотой своего исконного наречия.

После захода солнца упорядоченное движение на улицах града продолжалось еще много часов, только ранним утром становилось безлюдно и тихо (шум, крики и гвалт пресекались здесь даже в дневное время, к слову, как проявления низшей природы человека); только стража несла неусыпный дозор по порядку. Городские стражи (часто – совсем моло-

дые люди, только обучающиеся дисциплине, субординации, владению оружием и основам тактики) дневали и ночевали на улицах, подчинялись капитанам районов и служили примером для подражания мальчишкам, в свою очередь возвращаемым на культе воинов и полководцев. Реже – изобретателей-первооткрывателей.

Днем же у каждого было свое дело: с безработицей здесь покончили, считая, что она не только плодила нищету, но и приучала людей не находить себе применения в жизни, а человек без применения – пустышка, вредящая окружающим и себе. Другими словами, великое множество оружейных мастерских, печатных цехов и лабораторий изобретателей работали в городе с самого рассвета (а зачастую еще до зари в них оживали и трудились подмастерья), не говоря уже о простых ремесленниках и деятелях искусства.

Но, чтобы картина не выглядела утопической, нужно сказать, что, как и в любом другом человеческом обществе, случалось тут быть несправедливости. Несправедливости между гражданами и ремесленниками, между пехотинцами и полководцами, между правящими людьми и простыми горожанами, равно как между всеми ними вместе взятыми. Одни несправедливости решались мирно, вторые – кроваво, а третьи так и оставались вопиющими и неразрешенными, в зависимости от противостоящих в них сил. И хоть целью сего сочинения ставится не разрешение представленных в нем беззаконий, однако одно из них (вкупе с его послед-

ствиями) рассматривается им вплотную. Началось все далеко от центра с библиотекой и площадью, ближе к окраинам, в обычном двухэтажном каменном доме, на втором этаже которого размещались жилые комнаты. А на первом...

* * *

– С вас на восемь золотых больше. Руда оказалась лучшего качества, чем я ожидал. Пришлось растопить печь сильнее, и угля на растопку ушло порядочно. Вы должны оплатить его мне.

– Вы не надуете меня.

– Мне незачем обманывать вас, у меня воз работы.

– Он не мешает вам заработать лишних денег на человеке, которого вы не знаете.

– Помилуйте! Я возглавляю союз, в который входят пятеро мастеров и дюжина подмастерий. Нам не нужно, чтобы ваши уста принялись разносить по местам весть, будто мы обманываем искателей приключений.

– Только что вы добились как раз обратного, – пауза. – Аванс у вас есть, вот оставшаяся сумма. Верните оружие.

– Благодарю. Но меч не верну до тех пор, пока не получу плату за уголь. Вам следует покрыть все мои расходы.

– Тогда я забираю меч вместе с деньгами.

– Вы не сделаете этого.

– Почему же?

– Я позову стражу.

– Я позабочусь о том, что вы не выйдете на улицу.

– Я не первый год работаю с искателями приключений и знаю, что вы опасны и без оружия. Я предвидел могущие возникнуть ситуации. Спешу сообщить вам, что могу поднять тревогу, не раскрывая рта. Вам следует знать это до того, как вы наделаете глупостей.

– Вы обманываете меня.

– Вы вынудили меня. Боюсь, вы нажили себе проблемы.

В ту же секунду невысокий человек с крепкими руками беспробудно уснул, а тот, которого он признал опасным, принялся перерывать кузницу.

Опасный человек замер и повернулся, так как порог кузни перешагнули трое закованных в доспехи молодых людей.

– Спокойно, это искатель приключений. Исход схватки с ним неизвестен. Но ведь он понимает, что если тронет нас, то будет иметь дело со стражей всего города?

– Понимаю, – сказал искатель приключений голосом, звучавшим ниже, чем можно было предположить по его внешности. – Все же вам лучше уйти. Вы не получите выговор за упущенного преступника, а я покину город не спеша.

– Мы бы позволили вам уйти. Но кузнец платит за то, чтобы мы бдительнее охраняли его дело.

Поймите правильно, речь идет не о коррупции; любой другой ремесленник заслуживает защиты с нашей стороны. Пока не спутывается с искателями приключений, конфликтов с которыми мы предпочитаем избегать, – пауза. – До той поры, пока у нас есть выбор.

– А выбора у вас нет, и вы погрязли в неприятностях, дадите вы мне уйти или нет.

– Мы потеряем работу, если позволим вам уйти, и рискуем сразиться с вами, если не позволим. Поэтому, почему бы нам...

В этот момент в кузню шагнули еще двое, и соотношение сил переменялось. Пятеро стражей принялись разглядывать искателя приключений, и он знал, что причиной тому было не его дорогое снаряжение, доступное стражам разве что в мечтах да снах.

– Мы можем избежать неприятностей, если вы разбудите кузнеца и на пару с ним расскажете, что между вами произошло, – другим тоном продолжил страж. – Я почти уверен, что не правы вы, и вам придется компенсировать мастеру испуг и потерянное время работы. К слову, для вас эти деньги не имеют большого значения. Но может быть и такое, что ошибся мастер. Тогда он поставит на стол бочонок холодного крепкого пива, который мы вместе с вами с удовольствием разопьем.

– От холодного пива не откажусь. Но вам нельзя пить на посту.

– Мастер не расскажет. Пиво обойдется ему дешевле вызванных по ложной тревоге стражей.

Сразу шестеро воинов ввалились в кузницу, и в помещении стало тесно. «Одиннадцать против одного», – подумал искатель приключений. – «Принимая во внимание уровень

их подготовки...»

– Прошу разбудить кузнеца, – сказал страж, старший по званию среди молодых людей.

Искатель приключений посмотрел на неподвижного мастера. И ничего не сделал.

– Разбудите кузнеца. – Ладонь в латной рукавице (как и еще десять таких же) опустилась на рукоять меча. В условиях тесноты короткое лезвие этого оружия обещало быть смертоносным.

Но искатель приключений изучал доспехи блюстителей порядка. Тогда клинки с лязгом покинули гнезда.

«Они догадались, что за мной не стоит группа таких же отчаянных, как я сам. Что у меня не подписан договор с новым влиятельным работодателем, который может заступиться за меня. Они убьют меня, а прежде сделают одно отвратительное дело».

Тут взгляд искателя приключений упал, наконец, на знакомые ему ножны, и это определило его дальнейшие действия.

– Я сдаюсь, – сказал он, опустил голову и сделал шаг назад и чуть в сторону, по направлению к столу с мечом. Слух подсказал ему, что с улицы в кузницу уже протискивались еще двое воинов.

«Слишком много, чтобы обездвигить всех одним ударом».

– Нам нужно, чтобы вы разбудили кузнеца. Только-то и

всего.

Но глаза старшего из стражей горели предвкушением совсем другого рода. Потом он скажет своему капитану, что искатель приключений сделал резкое движение, которое они не могли трактовать никак иначе.

– Вам нужен не кузнец. Возьмите, что хотите, и забудем обо всем, – сказал искатель приключений и расслабился, так, чтобы стражам это было хорошо видно.

Он знал, что они знали, что он знал, что сопротивляться бесполезно – слишком неравны силы, слишком мало места в кузне. Решил, что, сдавшись, смягчит их пыл. Еще он знал, что они поняли его уловку, отчего поступят намного грубее, чем поначалу задумывали, когда их стало больше, чем трое и пятеро. Конечно, стражи тут же пошли к нему. Про кузнеца забыли.

Подходя, они представляли, что сделают с ним, в подробностях. И их заводило еще больше то, что он отступал и смотрел в пол.

Но когда руки стражей потянулись к искателю приключений, ибо тот уперся в стол и ему стало некуда отходить, он вдруг скрылся с тринадцати пар глаз, будто растворился в воздухе.

Стражи опешили. Затем, понукаемые старшим, выстроились в двойную шеренгу, как раз в ширину кузницы, и пошли вперед, ожидая натолкнуться на ставшее невидимым тело.

Шеренга, однако, уперлась в стену кузни, не встретив пре-

пятствий на своем пути. Повернулась, прошла к выходу. Обратно к стене. К выходу, с запертой последними двумя вошедшими воинами дверью. Но никого не нащупала.

Искатель приключений испарился. Его физически не стало в кузнице. Помимо воинов, в помещении находился теперь только коренастый человек, всю жизнь проработавший кузнецом.

Сняв рукавицу, старший из стражей крепко ударил мастера по лицу. Тот упал на пол, но не проснулся. Тогда прозвучало распоряжение отыскать в кузне бочонок с пивом. Затем – приказ достать тринадцать кружек погрязнее.

...А за несколько домов от кузни искатель приключений шел кратчайшим путем прочь из города. Шел быстро, и люди убирались с его дороги, даже те, кто мог похвастать не самым низким положением в обществе и весомыми связями. Лишь мальчишки да девушки (особенно девушки) старались поймать его взгляд, хоть на тех и других он давно перестал обращать внимание.

Он не думал о том, что его могли преследовать: приучил себя не забивать голову мыслями, когда нужно действовать. Полагал, что если за ним погоня, то он скоро узнает об этом и будет действовать по ситуации. Жаль, что в населенных местах он не применял способных причинить вред навыков, коих у него было предостаточно!

Тем не менее взгляд искателя приключений скользил по каждому клочку улицы, прощупывал каждого человека стар-

ше и младше определенного возраста из тех, кто спешил перейти дорогу, завидев его, или, постаравшись не потерять достоинства, прижимался к стене и его пропускал. Поглядывал искатель приключений на окна и присматривался к дверям, так как мог предугадать, когда они откроются и в них возникнут готовые к бою люди. Когда край ножен на перевязи дернул своими ручонками совсем маленький (поэтому лишенный страха) мальчик, он оказался раздавленным до слез взглядом искателя приключений. Но стоит заметить, что удовольствия искателю приключений этот взгляд и его последствия не принесли.

А вот на перекрестке дорог, к которому искатель приключений скоро вышел, поверх голов горожан маячили два шлема из блестящей на солнце стали, и он повернулся и пошел назад с недовольным восклицанием про себя, ибо хозяева этих шлемов, стражи, перекрыли ему путь, когда до городских ворот оставалась всего пара кварталов. Он решил проскользнуть по другому перекрестку и не проверять реакции стражей на свое появление. К счастью, за спиной его не раздалось окриков, из чего следовало, что стражи его не заметили (либо решили не замечать).

Он быстро прошел то место на улице, где появился из воздуха на глазах у степенной пары и десятка менее заметных жителей. В тот момент, сразу после того как он возник на дороге прямо среди людей, он обвел глазами их всех и приложил палец к губам, показывая, что не поздоровится че-

ловеку, который сочтет только что увиденное им каким-то необычным, странным. Искателя приключений поняли: никто не хотел иметь дело с ним, никто не хотел, чтобы он решил, что ему в чем-то воспрепятствовали.

Ныне же степенной пары уже не наблюдалось (быстро ходят неторопливые почтенные люди, когда вдруг запахнет жареным), да и сама улица изрядно опустела, хотя и пролегла через весьма оживленную часть города. Шагая меж каменных домов практически в одиночестве, искатель приключений чувствовал себя отвратительно на виду. Пока что он не наблюдал за собой погони, но в ситуациях, когда она была возможна, он неизменно предпочитал поскорее затеряться в как можно большем количестве людей.

На перекрестке, к которому искатель приключений вышел, стражи не стояло. Он повернул и с удовольствием влился в людской поток, пошел через толпу. Проталкиваться не стал, померил шаг: пускай видят, что он не спешит и у него нет причин для беспокойства. Так никому и в голову не придет подумать, что всего десять минут назад он едва не сошелся с оружием в руках с городской стражей. Однако, повернув во второй раз, на следующем пересечении дорог, искатель приключений налетел прямехонько на добротный латный доспех.

В своей экипировке искателя приключений нельзя было назвать легким, вот он и не удивился, когда латник покачнулся от столкновения. Но и сам искатель приключений от-

ступил на шаг в попытке удержать равновесие, и только когда вновь устойчиво оперся на почву под ногами, он поднял гневный взгляд на огромного даже по меркам воинов детину.

А тот вдруг добродушно поинтересовался, не ушибся ли искатель приключений (презрительная усмешка была стражу ответом), и сообщил, что они ловят беглого преступника, а у искателей приключений на такие дела нюх, посему не чуе ли он того преступника поблизости?

Искатель приключений небрежно осведомился у стража об оружии беглеца, в ответ на что узнал о кинжале работы хорошего мастера, который преступник выкрал при побеге оттуда, куда его заперли после суда. Страж недоумевал, почему «этого маргинала» сразу не казнили, ведь было понятно, что стены тюрьмы надолго не удержат его. Нет, его нельзя назвать искателем приключений, ибо он не так богат и успешен.

Здесь страж был отблагодарен, уверен, что рядом опасного для людей ничего нет, и оставлен стоять на перекрестке.

Только вот когда на дороге спустя несколько минут такого же неспешного хода возникли сразу трое высматривавших кого-то стражей, решено было во второй раз повернуть назад и не искушать судьбу. Вероятно, что если беглый убийца (а искатель приключений чуял, что тут пахло кровью) стоял на повестке дня, то на инцидент в кузнице закроют глаза. Однако годы занятия профессией научили героя сего повествования как безрассудству, так и осторожности.

Большого стража на перекрестке уже не было. Зато люди стали посматривать на искателя приключений как-то по-другому, хотя все так же старательно освобождали ему дорогу. Напряжение сгустилось в воздухе.

Перекресток, поворот, путь чист – судя по горожанам, что свободно шли в обе стороны улицы. В нескольких кварталах – городские стены; при желании можно перебросить себя через них ценой того, что к этому навыку придется не обращаться потом несколько дней. Но до этого не дойдет, ибо ворота рядом, а четыре блюстителя порядка на них – не помеха к свободе от не очень дружелюбного города. Особенно когда на твоей стороне фактор внезапности.

Но, как выяснилось, дальше и эту улицу перекрыли. Просто горожане еще не успели покинуть ее и пойти по своим делам другой дорогой. Обернувшись, искатель приключений обнаружил, что трое стражей, от которых он пошел прочь из осторожности, последовали за ним.

Это значило, что путь из города остался только один. Ох, какой неудобный и нежелательный в таких обстоятельствах! Искатель приключений нырнул в переулок.

В переулке было чисто и даже светло, хотя день клонился к вечеру и дома близко подступали друг к другу. Искатель приключений поспешил углубиться, поглядывая влево, в поисках поперечного хода, который вывел бы на перерезанную баррикадой улицу, но уже за заграждением и его стражами, однако поперечного хода не нашлось. Единственный пово-

рот в переулке привел искателя приключений в образованный зданиями, у которых он выступил из воздуха, покинув кузницу, только по противоположную, внутреннюю сторону улицы, тупик.

Глупое положение. Вернулся туда, откуда начал. Только в худших условиях.

Идти назад было все равно что признать поражение, и гордость искателя приключений (если не сказать – гордыня) восстала против этого. Проходить сквозь стены искатель приключений не умел (и не знал способных на это даже по случайности людей, хотя и слышал время от времени смутные толки о таких деяниях). Оставалось расщепить свое тело в пространстве, собрать его по кусочкам у самых ворот, чтобы стража оторопела и дала пройти...

Но воздух в проулке вдруг запел. И в извести, точно в щели между камнями здания, перед искателем приключений задрожала стрела.

Он обернулся и обнажил клинок (звон лезвия принес ему массу удовольствия). Перед ним стояли те самые преследовавшие его три стража: они оказались достаточно зоркими, чтобы заметить, куда он повернул с улицы. Один из стражей держал короткий лук и показательно медленно накладывал на его тетиву новую стрелу.

Расстояние было слишком малым, чтобы промахнуться, пустив стрелу в стену, а не в искателя приключений. Посему напрашивался вывод, что стражам приказали доставить ис-

кателя приключений живым, и этой стрелой они только предупредили, что готовы использовать для выполнения приказа силу.

Искатель же приключений не хотел применять силу в ответ. Однако в условиях, когда силу собирались применить к нему, у него не оставалось выбора. И это же значило, что конфликт с городской стражей отныне пересекал черту насилия.

А трое стражников вдруг с проклятиями бросились прочь. Натренированный слух искателя приключений разобрал, как они глухо ругались, оттого что ошиблись. Убегая, стражи обронили несколько слов о том, что нужный им человек украл кинжал, а не меч.

Тогда искатель приключений не спеша прошел проулок в обратную сторону. Теперь он был уверен, что по всему городу искали не его, а беглого убийцу, – спасибо этому человеку за его своевременный побег. Следовательно, можно было с невозмутимым видом пройти заграждение на дороге, из-за которого он вынужден был свернуть в проулок, совершенно так, как подобает стоящему вне всяких людских порядков существу.

Стража работала хорошо: улица уже опустела, когда искатель приключений вынырнул на дорогу из тесного прохода между домами. Он беспрепятственно сосчитал оруженосцев, после чего выделил из них руководящего заслоном. Следовало медленно приблизиться к молодым людям и без нажима

попросить их расступиться, в случае если они окажутся достаточно глупы, чтобы не сделать сего самостоятельно: баррикада состояла из стоявших плечом к плечу в две шеренги латников.

Их доспехи под серый цвет камней зданий контрастировали с коричневой линией дороги; искатель приключений сощурился, чтобы блики солнца на стали не слепили ему глаза, но не настолько, чтобы выглядеть беспомощным, когда приблизится к живой стене. Медленно подходить к ней могло пощекотать нервы, если бы знать, что им нужен он, но по мере сокращения расстояния в цепи не наблюдалось волнений, что подтверждало, что целью оцепления являлся другой человек.

Искатель приключений покинул отведенную простым людям боковую часть улицы и пошел по самой середине к главному из стражей. Тем самым он показывал, что скрываться ему незачем, а заодно – что он готов к противостоянию (словесному, для начала), если ему вздумают сообщить, что велено не пропускать никого. Для пущего эффекта искатель приключений пошел еще медленнее, почти вразвалочку, насколько позволила ему его неплотная комплекция.

В нескольких шагах искателя приключений от заслона солнце как раз зашло за тучу; блики на латах погасли, и искатель приключений перестал щуриться. Любой из двадцати латников вблизи оказался выше его по меньшей мере на голову, но все они потеснились, включая старшего по зва-

нию. Искатель приключений с вызовом парировал брошенные на его кожаный доспех и украшенные самоцветами ножны взгляды.

Теперь дорога из города свободно текла под его ногами, словно бурая, посыпанная песком река, и прочь от постыдного случая, когда пришлось применить силу к мирному жителю. Сызнова залитые солнцем – оно выглянуло из-за облака, – каменные дома будто прощались с возмутителем спокойствия в отрасли мастеров и подмастерьев кузнечного дела. Искатель приключений без помех миновал два квартала.

До беглого преступника искателю приключений не было никакого дела. Задание, на которое он нанимался к имущему купцу, уже два дня как было выполнено, награждение за него получено в целости, и ни копейки не растрчено поверх того, что уходило на каждодневные нужды; к тому же он умыкнул со стола кузнеца остаток платы за его работу. Искатель приключений допускал, что в этих краях принято оплачивать непредвиденные расходы ремесленников, но он, чужеземец, во время заключения сделки поставлен об этом в известность не был, потому счёл, что требовать от него платы сверх оговоренного было делом бесчестным. За это мастер сам поплатился заработком и непредвиденными же расходами.

Но поработал кузнец хорошо, ибо искатель приключений чувствовал и слышал беззвучную для уха простого человека песнь меча в ножнах. Тем самым его поход на запад через

гнузные места удался. А вот впереди замаячили ворота, и искатель приключений ускорил шаг, а на тонких изящных губах его заиграла улыбка.

Заиграла и погасла, когда из толпы у ворот вынырнули одиннадцать стражей – из тех, что пришли по зову кузнеца, а за ними выскочили еще несколько человек, по всему судя – их товарищи. Не потребовалось гадать, что такое количество латников делало у выхода из города: они пошли прямо к искателю приключений.

Тот оглянулся. Увидел позади себя только озадаченных и слегка любопытствующих горожан. А вот на городской стене вдруг возник хлипкий юноша, будто просочился сквозь щель между дверью и косяком настенной башни.

Глаз искателя приключений вмиг определил в юноше ученика, но не первой ступени работы с энергиями и способного своим умением помешать перенестись за стены с помощью уже примененного сегодня навыка.

Мигом улыбка вернулась на губы искателя приключений: она всегда освещала его лицо, когда он чувствовал опасность и хотел с ней поиграть. Теперь появилась такая возможность, благо в устроенной стражами западне оказался не просчитанным крохотный, но грозивший в руках умелого человека превратиться в толстого и насмехающегося над глупцами зверя момент.

Искатель приключений побежал. Пока что не быстро, со знанием того, что ученик на стене разве что только тоже по-

бежит, так как повода к применению его неокрепшего мастерства у него еще не возникло.

Так и оказалось, когда искатель приключений сместил глаза вправо, а до того ловко обогнул ведомую молодым человеком в простых белых одеждах группу стариков: вслед ему раздалось несколько гневных восклицаний. Затем позади искателя приключений раздался такой лязг, что дома, верно, подпрыгнули, – это полтора десятка стражей пустились вдогонку манящей, соблазнительной, удаляющейся трусливой спине искателя приключений.

Этот день город запомнил надолго.

Искатель приключений побежал вдоль стены не потому, что не захотел углубляться обратно в город, а потому что пожелал измотать юношу, который вряд ли, судя по его виду, уделял достаточно внимания своей физической подготовке. И все же мальчишка выдохся минутой позже, чем искатель приключений предположил: он споткнулся обо что-то на достаточно гладкой, чтобы по ней без тряски проехала колесница, стене и упал неловко, больно – насколько его падение удалось разглядеть. Когда искатель приключений посмотрел назад, он увидел, что стражи в панцирях тоже отстали, и отстали хорошо – чего добиться также входило в его намерения.

Но тут искателю приключений стало скучно и даже обидно, ибо все оказалось слишком просто.

Затем снова возник интерес, потому что солнце заигра-

ло на доспехах стражей, прокладываящих себе дорогу среди людей впереди искателя приключений. Пришлось решать, переноситься за стены сейчас же или поиграть с опасностью еще? Ведь черта насилия все еще не была пересечена, а повсюду – свидетели, и они запомнят все, что увидят. А именно – что не искатель приключений первым перешел к оружию.

Искатель приключений подумал и решил покинуть город с достоинством. С достоинством по своим понятиям. Он свернул влево, перед самым носом у проталкивавшихся ему навстречу стражников, и тем же легким бегом двинулся прочь от городской стены.

Вскоре до него дошло, что его преследовало слишком мало народу и что двигались они, при всем пыле своем, слишком медленно, невыносимо медленно, чтобы он воспринял их всерьез. Большая часть стражи занималась все-таки беглым преступником, а по душу искателя приключений отрядили более чем скромный отряд.

Его это не порадовало. Ему захотелось привлечь к своей персоне больше внимания. Одна из худших черт этого искателя приключений заключалась в том, что, когда он заводился, для него не существовало дороги назад. И он прекращал в полном смысле этого выражения мыслить последовательно и логически обоснованно.

Поэтому он побежал по улице чуть быстрее, туда, где увидел возможность напалить достаточно, чтобы за него взялись как следует. Коротким движением руки он развеял

неожиданно загустевший у его ног воздух – плод отчаянной попытки мальчишки со стены не дать ему уйти.

«В самом деле», – размышлял искатель приключений в эти секунды. – «Пока я бегаю по городским окраинам, капитаны стражи не сильно волнуются, потому что тут граждан мало. А я хочу, чтобы капитаны разволновались по-настоящему». И искатель приключений повернул направо на первом же перекрестке, откуда и пустился в густонаселенные городские районы, по дороге приближаясь к...

Да, эти махины возвышались над любым из жилых домов города; макушками своими они соперничали по высоте с самими городскими стенами. Именно для крушения толстой каменной кладки эти механизмы проектировали и создавали.

Их собирали здесь, на большой открытой площадке без зданий, из поставляемых из других городов частей, а затем гоняли по служившему им полю испытаний морскому берегу. Далее широкоплечих гигантов с железом вместо кожи и железом и древесиной вместо внутренних органов отправляли туда, где в тот момент штурмовали слишком прочные для обычных осадных орудий крепости. А тех великанов, что не прошли проверку, переплавляли в оружие для пеших воинов и всадников.

В тот день на площадке стояли две полусобранные машины и ощерившейся своей недоделанностью, торчащими острыми углами, цепями, огромными и малыми шестернями

и тросами впечатляли еще больше. При виде искателя приключений с латниками на хвосте рабочие, что весь день трудились над махинами, мгновенно сообразили, как плохо могут обернуться их дела, и попрятались кто куда. А искатель приключений припустил вперед, побежав по своим меркам почти быстро. Однако он не собирался губить ни одно живое существо тем, что сделал дальше.

Ближайший к искателю приключений великан твердо стоял на двух ногах, а вот тот, что подальше высился, вторую ногу к тому моменту лишь отращивал и держался вертикально благодаря прикрепленным к вкопанным в землю камням тросам из стальной веревки. «Проверю-ка я работу механиков», – мелькнуло в голове искателя приключений, когда он подобрался достаточно близко, чтобы исполнить задуманное им.

Во второй раз клинок покинул ножны с чудным звоном освобождения от кожаной темницы и рассек два железных троса-опоры дальнего великана, будто обычную веревку разрубил.

Осадная махина не сразу поняла, что ей отныне надлежало изменить свое положение в пространстве. Но когда понимание сего настойчиво постучало в пустую ее голову, то с достойным уважения рвением она выполнила то, что от нее требовалось, то есть выдрала из гнезд в земле оставшиеся опоры и полетела прямо на великана первого, за компанию. Роста у осадной машины хватило, и спустя показавшее-

ся вечностью мгновение оба орудия с таким грохотом легли на землю, что у искателя приключений заложило в ушах.

Он намеренно не побежал дальше, подождал, чтобы пыль улеглась, и удостоверился, что никому ничего не прищемило. Так и оказалось, когда стражи и рабочие пересчитали друг друга. Вот тут искатель приключений издал звонкий клич с намерением привлечь к себе их утерянное внимание.

Часть рабочих, разгневанная, бросилась вместе со стражами в сторону искателя приключений. А он решил, что раз так, то задумка удалась, и удалась на славу – поворачиваясь и беря направление в самый центр города, найти который было совсем не так сложно, как того скоро захотелось капитанам стражи.

Искатель приключений быстро заключил, что преследовали теперь в первую очередь уже его, а не посмевшего испортить его выход на сцену преступника, пусть тот даже (судя по всему не так давно) по уши вымазался в крови. Искатель приключений понял это по бурно росшему числу почетного эскорта за собою, взмыленного и запыхавшегося, и по (пока) слабым попыткам перегородить ему дорогу баррикадами. Очевидно, большая часть стражи до сих пор действовала в других районах, и только после крушения осадных орудий им приказали стянуться вокруг центра города. Теперь происходящее полностью соответствовало второй части безумного плана безумного (уже) человека, чью гордыню грубо попрали.

И все же он надеялся, что на конечном пункте его путешествия не будет ни живой души из мирного населения.

Скоро попытки остановить его начали походить на с умом расставленные заслоны, а среди крепких стражей в латах стали появляться в свободных одеждах тощие ученики мастеров из библиотеки, обучающиеся работать с энергиями. Искатель приключений побежал действительно быстро, так, что ветер чертом засвистел в его ушах. Он знал, что долго с такой скоростью не пробежит, но готов был попотеть, чтобы показать преследователям и вообще людям, что значило плохо обращаться с искателями приключений. Земля под ногами его огромными скачками понеслась назад, и дома слились в сплошную серую полосу, тут и там расцвеченную солнцем.

Наконец искатель приключений понял, что видит в просвете домов впереди себя открытое пространство, равно как и первую полностью перегородившую улицу цепочку стражников. По команде те разом подняли щиты, тесно сомкнули строй, превратились в настоящую стену из плоти и стали. Такую стену следовало штурмовать разве что тараном осадным либо, на худой конец, тяжелой рогатиной с широким накопечником и металлическим древком, ибо деревянное тут же бы перерубили.

Здесь капитаны стражи почувствовали уверенность, что ничего нового уже не произойдет. Что дикарь, как они прозвали искателя приключений, остановится перед заслоном и

бросит свои ножны на дорогу либо врежется в щиты, отбросит двоих-троих крепких латников и сам упадет без сознания от удара. Будь он хоть тысячу раз искателем приключений, но череп у него все-таки сделан из человеческих костей!

Далее они со всеми почестями приведут дикаря в чувство и со всеми почестями же стребуют с него уплату за все им сотворенное, а если его карман не потянет, то заставят отработать неоплаченный ущерб. Да, сидя в полумраке своих кабинетов, капитаны стражи довольно потирали руки, а некоторые из них, не скрывая, злорадно посмеивались.

Искатель приключений раскусил их намерения в доли секунды. Он уже догадался, что после учиненного им погрома даже его товарищи по профессии могут не заступиться за него. Он рассчитал, что золота в его распоряжении не хватит на оплату разбитых осадных великанов. И понимал, что после судилища, которое ему устроят, его заставят выполнить ряд грязных и опасных дел для стражи и власть имущих, и не слишком беспокоятся о том, чтобы в процессе их выполнения он хотя бы выжил.

Отношения между искателями приключений и сильными мира сего обильно припудривались сладкою пылью, но только припудривались, и только на поверхности.

А еще искатель приключений осознал, что люди традиционно ошиблись в оценке его способностей.

Бог знает каким ветром, но задуло на эту улицу торговца оружием, везущего в телеге товар. Поздно торговец понял,

что свернул не туда и не вовремя, но бросать клинки-доспехи свои забоялся. С места возницы он спрыгнул и принялся толкать повозку в зад, будто это могло прибавить ей резвости. А от окриков стражей только сильнее напрягся, теребя голову на плечах, ибо решил, что чем ближе к заграждению повозка окажется, тем в большей безопасности будет его оружие.

При виде сей картины в третий раз искатель приключений расплылся в улыбке, даже едва не рассмеялся в голос (дыхание поберег). Припустил во весь опор, вмиг нагнал телегу, перемахнул скачком ее борта, пробежал по оружию да по спинам животных, после чего взвился в воздух, распластался в прыжке и перелетел очумевших стражей заставы, по дороге смахнув пару шлемов с бестолковых их голов.

Приземлился на ноги, перекатился через плечо, подхватил подскочивший на кочке на дороге шлем и выскочил в открытое пространство, где почуял ступнями через подошву твердый щебень вместо матушки-земли.

Церемонным шагом он вышел на центр площади, надел шлем. Повернулся к тому месту, где стояла, разинув рты, горе-баррикада. Жаль только, что заливавшее искателя приключений закатное солнце не подцветило ни одной лысины среди оголившихся от шлемов доспехов, так как ни одной лысины там не наблюдалось.

На площади перед библиотекой пункт назначения искателя приключений был достигнут. На священную площадь ис-

катель приключений сознательно выманил закованных в доспехи людей и тем самым обратил в прах традицию, которой лет столько же, сколько городу самому.

Святотатство, оскорбление, плевок в лицо: он достойно отвечал на то, что сделали ему. О, он знал, что перегибал палку, и собирался перегнуть ее еще больше, за всех искателей приключений, к которым хоть раз отнеслись хуже, чем к обыкновенному человеку. Разума между его хорошеньких ушей совсем не осталось.

Медленно, будто в воде, с трех сторон площадь заполнили стражи; их лица побагровели, глаза зажглись, запылали гневом. Больше сотни латников поправили подкованными подошвами святое место в тот день, чтобы вершить правосудие, чтобы пролить кровь осквернителя на овеванный спокойствием камень. Пусть здесь лучше будет растерзан преступник против уважения человеческого, нежели вековой щебень понесет клеймо позора! А из библиотеки вышли в мантиях четверо взрослых мужчин с шевелящимися и крючковатыми пальцами – то были уже учителя работы с волшебной.

Все в молчании уставились на искателя приключений.

А искатель приключений содрал с себя шлем и грянул им оземь. Прокричал ясным голосом:

– Возьмите меня, будь вы прокляты!

После этих слов ножны воинов полетели на камень, в рукавицах пластинчатых зардели беснующиеся клинки. Крюч-

коватые пальцы заскрежетали по воздуху, меж ними запылал багровый свет. Багровый пламень.

Волной океана накрыли искателя приключений стражи, и пламя ударило в тот же момент с неба в то место, где он стоял, опаляя, сжигая, испепеляя его. Дикий, нечеловеческий вой раздавил площадь.

Хлынула алая река из разорванного тела. Изжарилось свежее мясо. Затлели с приторным запахом кости.

Да вот только почудилось все это ослепленным яростью людям.

Но было уже поздно. На святыне между воинами разразилось побоище безумное, и набрало оно чудовищный размах. Так случается, когда с трех сторон сталкиваются три строя ратников, а с небес на них хлещет жгучий огонь.

...Искатель приключений собрал по частичкам свое тело, сунул торговцу оружием набитый золотом кошель в руки и зарылся в бронь-лезвия-стрелы в тележке. Объяснять большого торговцу не потребовалось, и повозка неспешно закатали к воротам города.

Бой на площади уже стихал, когда на глазах у изумленных стражей ворот искатель приключений воздвигся из горы оружия и мягко спрыгнул на землю. Отмерил торговцу еще монет, а остальные бросил под ноги дозорным, сказав, кивнув головой в сторону площади, что там заслуживают свое бесчестные люди; весь город шумел о бое.

Искатель приключений просто прошел городские ворота,

спустился по протоптанной в грязи колее да скрылся за поворотом, только длинные светлые волосы его вспыхнули в последних лучах солнца на память городу о себе.

А еще походка бросившего вызов обществу человека была чересчур легкой.

* * *

На самом деле не только походкой и длинными волосами отличался этот искатель приключений от большинства представителей своей профессии: если приглядеться, лицо его было тоньше и острее, фигура изящнее, а руки складывались не совсем так, чтобы ими было удобно, к примеру, метать предметы. Его руки охотнее держали, обнимали бы, несмотря на то, что ни первого, ни второго они не делали уже долгими годами, прожитыми их хозяином под солнцем.

Но стариком назвать этого искателя приключений никто не осмелился бы, ибо в его юности зрелостью даже и не пахло, и только глаза его смотрели на мир мудрее, чем то полагалось для пылких лет. Читался в глазах тот вызов, с которым молодые идут в жизнь, не зная ее хитростей по укрощению таких вот уверенных в себе лиц. Симпатичных уверенных в себе лиц, чтобы быть точнее. Вопреки роду занятий, кожаному доспеху, внушающему уважение мечу в добротных ножнах мост над быстрой синей рекой переходила девушка, вернее, дева из народа почитателей поэзии, лука и стрел. Звали ее Лихт, ибо так она представлялась людям, кто поручал ей работу.

Грязную работу, любую грязную работу.

Вот мост с насыпью и городом остался позади, вместе с мыслями о справедливости, связанными с только что покинутым населенным пунктом. Идя вверх от моста и реки, по извилистой дороге на природную возвышенность уже и прочь от рукотворной, Лихт все больше успокаивалась, зная, что ее сочли мертвой после побоища на площади, и пройдет еще немало времени, прежде чем торговцу оружием и дозорным на воротах поверят. Если вообще поверят, что для власть имущих города будет далеко не самым предпочтительным вариантом. Следовательно, она не слишком часто оглядывалась назад.

Все же Лихт надеялась, что кто-то из капитанов стражи окажется достаточно пытливым и влиятельным человеком, чтобы проверить, не обвели ли их вокруг пальца, потому что тогда урок городу будет преподнесен в полной мере: поползут слухи, что искатель приключений ушел от возмездия. Монеты, которыми Лихт расплатилась с торговцем и просыпала под ноги страже, позаботятся, чтобы хоть кто-нибудь всерьез заинтересовался свидетельствами дозорных и торговца оружием. А эти люди рано или поздно заговорят – нужно только, чтобы их болтовня попала в правильные уши.

Стоило мысленно вернуться к теме возмездия, как та сизнова живо затрепетала в голове Лихт. Но искательница приключений уже смотрела на содеянное ею иначе, чем всего час назад: она восстанавливала перед мысленным взором

цепь событий и придавала всему произошедшему совершенно другой смысл. Как почти всегда бывало с нею в таких случаях, она заставила себя признать, что снова зашла непозволительно далеко. Но в то же время поймала себя на мысли, что, приведись ей вернуться в прошлое и предстать перед возможностью переиграть свои действия, то она все равно поступила бы точно так же.

И дело не в гордыне. На ее месте любой достаточно сильный для такого искатель приключений повел бы себя похожим образом. Искатели приключений слишком хорошо помнили времена, когда их еще не воспринимали всерьез, и в их памяти еще не высохла кровь, которой они заставили остальных начать считаться с ними. Знание о тех событиях неустанно передавалось из уст в уста искателями приключений.

И не только ими одними, и не только устно, раз уж об этом речь. Оно записывалось в книги историками и служило предметом неустанного интереса других исследователей, из самых разных областей науки; да и без того оно уже стало достоянием общеизвестной истории, в которую любой образованный и необразованный человек был посвящен.

Зная это, ни один искатель приключений не спускал с рук недостаточно уважительное отношение к себе, и нередко — ценой собственной жизни. Но тем самым он напоминал людям, что искатели приключений в своих делах идут до конца и что однажды соотношение сил может перемениться.

Поэтому, будучи искательницей приключений, Лихт поступила правильно: она предпочла излишнюю жестокость неуместной мягкости. Тем более что в этот раз среди мирных людей пострадавших не оказалось.

А впереди вырастал лес... Большой и мрачный лес, из которого лучи солнца веками не изгоняли влагу и порождает ее дымку, как ни старались, ибо даже проникали под покров ветвей и листьев его они с большим трудом.

Последняя петля дороги в гору осталась позади. Стройные ноги зашагали по берущему здесь начало тракту, к деревням. Тракт этот проходил лес насквозь, множество путников ступало по нему с юга и востока, так как с запада и севера к городу можно было подойти разве что только морем. Или воздухом, кто умел.

Еще в первый раз деве не понравился тяжелый, взбугрившийся земляными складками лес, в который она попала, миновав топкие болота, что граничили с ним на востоке. Войдя тогда под листву, она вдруг поверила людской молве, нет-нет да и упоминающей некое злобное существо, промышляющее здесь после захода солнца. Это существо, как говорили, после своих диких пиршеств бросало изуродованные, обескровленные человеческие тела прямо на тракте, по которому каждый день ходили и проезжали люди.

До собственного знакомства с лесом Лихт не стесняясь насмеялась над подобными речами в кабаках и у костров, чем демонстрировала свое бесстрашие перед столь рисованным

пугалом, но и отделяла возможные факты от вымысла в этих историях у себя в уме. Правильно будет сказать, что она не слишком верила людям, однако еще до того, как зашла в лесной сумрак, имела весьма точное представление о том, что в соответствии с их рассказами могло обитать среди покрытых резко пахнущим мхом стволов, мощными корнями высасывающих из почвы влагу, да не справляющихся.

Бесстрашие искательницы приключений редко бывало наигранным, а нервы ее отточились в невообразимых для обычного человека переделках, но ее пробрал озноб, когда две луны назад она ступила под хвою и мясистые листья этого лесного массива. Проснувшись ночью, дева почувствовала, будто бы ее разглядывают, раздумывают, выпускать ли под свет солнечный в грядущий день или оставить в своих покрытых коркой человечесьей крови когтях. Когда утром опушка осталась позади, искательница приключений испила из фляги также нуждавшегося в компании после посещения леса крестьянина, чтобы перевести дух.

Вот и сейчас, в двух шагах от подлеска, она внимательно оглядела кустистые ветви, прежде чем нырнула под их полог. Тот же час уши девы уловили дробный перестук, от которого камушки по дороге мелко запрыгали. Подумав, она отошла в кусты и из них выглянула на тракт. У нее сразу возникла догадка относительно источника перестука.

На дорогу к лесу взобралась лошадь, следом за лошадю же выскочило шесть пар коней; в седлах на их спинах неуме-

ло держались полегчавшие в плане обмундирования знакомые Лихт стражи со своим старшим во главе. Во все глаза они смотрели на лес и стали яростно озираться, когда въехали под деревья его.

Лихт дала стражам проехать. Мастерица сливаться с природой, она спокойно, не боясь быть обнаруженной, решала, как поступит с таким подарком судьбы. Когда крупы коней скрылись за изъеденным червями стволом толстого дерева, которое тракт нехотя огибал, дева выбралась из зарослей и завела скорбную песнь о прощании на старом языке народа своих преследователей. Лихт сделала это, потому что не сомневалась, что в намерения молодых людей входила повторная встреча с ней, и желательно без присутствия посторонних глаз.

Пусть слова песни были тихими, но не прошло и второго запева, как стражи вернулись. При виде искательницы приключений они оголили мечи, а трое из них подняли на деву луки.

Воцарилась тишина. Искательница приключений молчала. Молчали и стражи.

– Поцелуй на прощание, – прошептала Лихт. Взъерошила себе волосы пальцами, чтобы выглядеть разгоряченной. Расстегнула пуговицу на декольте. Приотпустила пояс с таза, так что одним концом он обогнул ее бедро.

Разум снова покидал искательницу приключений.

– Далеко не ушла, красавица, – раздалось со стороны стар-

шего из стражей, и дева разобрала в его голосе нотку настоящего удовольствия от увиденного с примесью чего-то низкого. — А жара в тебе поприбыло, как я смотрю.

— Его хватит на вас всех. — Двусмысленность этой фразы повисла в воздухе, так что старший из стражей не сразу нашелся с ответом.

Наконец он открыл рот.

— Почему бы тебе не пойти с нами обратно в город? Я прослежу, что тебя хотя бы не убьют там.

— Тебя самого убьют, стоит тебе только появиться после того, что произошло по твоей вине, а еще — после кражи лошадей.

— Лошадей я отпущу. Они вернутся в город, а я приду следом за ними спустя несколько часов. А если со мной будешь ты, то я дойду до библиотеки совсем без препятствий. Идем, посмотришь, скольких после боя на площади не осталось в живых и скольких ты превратила в калек. Врачеватели оказывают раненым помощь прямо там, потому что в лазаретах нет места для такого количества людей. И убитых еще не хоронят, потому что их родные и друзья прощаются с ними.

Лихт не отреагировала.

— Тебя не накажут. Ты отработаешь смерти и увечья и уйдешь с миром. Иначе же люди во всех подвластных нашему правителю землях предпочтут твоим услугам услуги другого наемника.

Весомый аргумент для искателя приключений, особенно

когда он знает, что это правда. Однако...

– Я лучше отниму еще несколько жизней и покину ваше королевство навсегда.

– Не покинешь.

– Что ж, договорились.

Молчание воцарилось на тракте; спустя какое-то время Лихт нарушила его.

– Двигайтесь же, – сказала она.

Стражи не шелохнулись. Они не без причины на то опасались, что их слишком мало, чтобы все они вышли живыми из столкновения с искательницей приключений.

В то же время каждый из них понимал, что сумеют они вернуть ее обратно в город, и с них снимут ответственность за бойню на площади.

Тогда Лихт отвязала пояс с ножнами. Бросила его на землю в нескольких шагах от себя – попыталась показаться беззащитной. После чего расстегнула вторую пуговицу пониже своей шеи, сразу под первой расстегнутой.

– Я не танцовщица в грязной таверне, которую вы купите монетами или даже словом, – сказала она. – Меня вам придется взять силой.

Вот тут по команде старшего из стражей три стрелы вспороли воздух, и тринадцать всадников ринулись на Лихт.

Одна стрела угодила искательнице приключений в предплечье, вторая вгрызлась в ногу и застряла в кости. А третья подрезала локон золотых волос девы и прибила его к дереву.

Здоровая рука Лихт молнией подхватила ножны с дороги – стражи с трудом уловили движение, которым искательница приключений преодолела расстояние между собой и перевязью. Доставать меч было уже излишеством, когда ее пальцы сомкнулись на рукояти: тут же трое лучников вдруг выпустили луки и зашатались в седлах.

Кровь богато украсила штанину искательницы приключений, толчком хлынув из раны на ноге – следствие рывка к поясу с мечом. Но всадники неожиданно для себя пронесли мимо девы, и слишком поздно их уста изрыгнули проклятия по поводу ловкости Лихт, ибо она отскочила с дороги прямо перед ними, будто и не раненная двумя стрелами.

Стражи остановились, повернули лошадей; во второй раз они и искательница приключений стали лицом к лицу.

– Ты истекаешь кровью. Как это заводит, – сказал старший из стражей.

Не дождавшись ответа, он пришпорил коня. Он был единственным из всадников, кто уверенно обращался с лошадыю.

Стражи понеслись на деву.

Лихт отпрыгнула, чуть менее ловко, чем в первый раз. За это она расплатилась порезами на обеих щеках, ибо задевшие ее клинки метили в голову и шею искательнице приключений. А один меч все-таки настиг ее на лету и угодил деве под левое ребро.

Но Лихт поднялась после броска с кувырком через плечо и сделала несколько шагов в сторону стражей к тому вре-

мени, когда они снова остановились и повернули к ней коней. Зажимая ладонью рану в боку, заметила, что теперь уже шестеро всадников как будто весьма смутно понимали, что происходит. Все это время губы искательницы приключений шептали слова на ее родном языке, и ладонь правой руки не выпускала рукояти меча, хотя она до сих пор не потрудилась освободить его острие от ножен.

– Что же ты так? Я хочу, чтобы ты оставалась красивой.

– Тогда убей меня, прежде чем изуродуешь.

В третий раз стражи направили лошадей на Лихт, замершую на тракте с помутневшими глазами; ее доспех в трех местах густо пропитался кровью.

Тут копыта четырех лошадей словно вросли в тракт: четверо молодых людей перелетели через пышные конские гривы и с хрустом позвонков упали на землю. В тот же миг еще и почва заревела, разверзлась, а из нее плеснуло водой и подняло коней и лошадей в воздух, после чего разметало всех их по деревьям в секундной ярости. Восемь животных и столько же человек попадали с высоты далеко не самых близких к земле веток; кто-то из стражей глухо застонал, поливая сквозь сомкнутые зубы леса почву кровью, а кто-то утих, чтобы больше вообще никогда не стонать.

Восемь, а не девять стражников, отчего рассудок Лихт лопнул и испарился. Она побежала по развороченной дороге в ту сторону, куда удалялся стук копыт единственного коня, до которого не добралось заклинание. Еще дважды вода вы-

рывалась из тракта, без труда пробивала плотно утоптанную и наезженную за десятки веков дорогу, но не настигала старшего из преследователей искательницы приключений. А тот гарцевал с завидным мастерством и скоро скрылся за ближайшим изворотом великого тракта.

«Оказался не так прост», – подумала Лихт. – «Придержал коня, когда остальные рванулись вперед. А у меня в глазах двоится от боли, не могу сосредоточиться, и вода бьет позади него, а не там, где он будет в следующий миг».

Еще Лихт почувствовала, что однажды увидит этого человека снова, через много лет, когда он будет уже мужчиной в расцвете сил или даже стареющим, с проплешинами и сединой в волосах.

Ярость позволяла искательнице приключений оставаться в сознании, и она вернулась к месту лесного побоища, пускай ее и шатало. На ходу она переломила стрелу в предплечье, отшвырнула черенок в заросли, здоровой же рукой, стиснув зубы от боли, выдрала из плоти своей обломок с наконечником. Пришлось крепко держать гладкое древко стрелы, чтобы не соскользнуть по нему к наконечнику и не поранить пальцы.

Вторую стрелу Лихт тоже переломила, больше от злости и боли, затем ее наконечник вылез из разорванной мышцы и раздробленной кости под полившийся из уст девы шепот. Под шепот же затянулась рана на ноге искательницы приключений, зарубцевалась также та, что на предплечье, и

свернулся глубокий порез под левым ребром. Только на щеках девушки остались своего рода кровавые слезы...

Настала очередь остальных живых существ; к тому моменту Лихт полностью отошла от безумия. От прикосновений ее рук восемь лошадей, одна следом за другой, поднялись с земли. Те четыре коня, которых не тронула вода из-под дороги, потому что они потеряли своих седоков, вышли на зов Лихт из-за деревьев по сторонам тракта и смиренно встали рядом.

Затем лошади пошли за девой к опушке, ибо бездумно доверились ей, вернее, особым лошадиным чутьем почувствовали, что искательница приключений больше не причинит им вреда. Кони самостоятельно выступили из леса, спустились к мосту над рекой, пересекли его в строгом порядке по двое в ряд и побрели по дороге к морскому горизонту с насыпью и городом. Лихт не понадобилось направлять их, потому что животные знали дорогу домой.

Только тогда Лихт осмотрела людей. Достаточно сказать, что возвращать к жизни мертвых стражей она не стала, но живым облегчила муки. Удостоверилась, что достаточно пищи и воды уцелело в их сумках, ранее навьюченных на лошадей, да сказала стражам идти своим ходом на юг, так как запад их отверг, а на восток уходит она. Сказав это, искательница приключений и вправду направилась дальше в лес, зашагала в сторону медленно наползавшей на небосвод темноты – если посмотреть вверх через еще проницаемый в том

месте свод веток.

Скоро искательница приключений вспомнила, как ненавистен ей этот лес. Это не помешало ей, однако, отойдя от тракта подальше под деревья, без памяти рухнуть в жесткие и колючие кусты.

* * *

Чувства вернулись к Лихт достаточно быстро, чтобы никакое лесное зло не застало ее врасплох, беззащитной, и вот она уже шла по тракту, ища в звуках леса журчание ручья. Она помнила, что где-то здесь он выныривал из земли и тек вдоль дороги, чем скрашивал часы путешествия своей чистой холодной водой, которой в любой миг можно было умыться и напиться. Искательница приключений намеревалась пройти вдоль русла до сердца леса, где ручей вдруг прятался в подземную пещеру, будто запоздало пугался тяжелого сумрака чащи, – только там Лихт продолжила бы ступать по тракту.

Она любила воду, в любой форме, с любой концентрацией соли в ней. Будь то лесное озеро, ключ, река в поле или горной долине, а то и море да океан с необозримо далекими берегами, искательница приключений всегда радовалась им и, просто присутствуя рядом, исцелялась от их природной живительной силы. В то же время Лихт, однако, сторонилась стоячей воды, болот, так как в них вода гнила, служила рассадником вредоносным насекомым и растениям, а то и существам гораздо более опасным, нередко – наделенным

неким подобием людского разума.

Вскоре желанное журчание пробилося к ушам искательницы приключений, и дева пробралась на его тихий пока голос к руслу. Пошла вдоль текучей воды, редко отрывая от нее взгляд. Как и в прошлый раз, ручей оказался прекрасен в своей простоте, а ненавистный искательнице приключений лес вокруг него только усугубил ее чувство восхищения.

Как многие из деревни Лихт, глядя на воду, она могла прочесть, где та вода брала начало и куда держала путь. Могла заодно узнать, что думала живая жидкость о месте, в котором протекала, ну, или делала вид, что покоилась в берегах. Об этом ручье дева знала все, кроме его отношения к лесу, так как от некоторых знаний сознательно держалась подальше, в тайны этого леса не углублялась – уж слишком сильную нелюбовь он у нее вызывал.

С должным уважением Лихт подняла упавший в русло лист и положила у отыскавшегося тут же, рядом, муравейника. Согласно ее познаниям деревья в этом краю скупились ронять листву даже осенью, поэтому трудолюбиво разделанный на кусочки мясистый лист сослужит хорошую службу блюстителям лесной чистоты в их роскошных подземных хорах.

Скоро даже для глаз искательницы приключений стало темно. Она присела на плешивый валун, извлекла из походного мешка палочку да трутницу, подожгла факел. Осмотрелась и пошла, выглядывая место для ночлега, кое спустя

какое-то время усмотрела по тому берегу ручья. Пропорхала по мокрым камням, ступила на сухую землю и повторно скинула с плеч тяжелый мешок.

Лихт прислонила мешок к совершенно недружелюбному с виду дереву, великану, показалось, глубоко оскорбившемуся тем, что для мешка не нашлось лучшего места, чем у его ног. Искательница приключений смерила дерево взглядом и подшутила вслух, что на одну ночь узловатые ветви и бугристый ствол приютят совсем не то, что им хотелось бы приютить – если они вообще за свою долгую жизнь и баюкали когда-либо живое существо. Улыбнулась уголками рта своему высказыванию остроумному, за что тут же была наказана, ибо дерево с треском и кряхтением выдрало из земли ох, какие толстые корни, и всеми ветками замахнулось на нее.

В ответ в руках девы заиграл меч с зачарованной рудой в основании клинка. Дерево заворчало, повернулось и затопало в гущу леса. По дороге оно смело жалобно взывавший кустарник да развешало оплеухи огрызающимся великанам помоложе. Нескоро еще его топот потонул в листве толстой и мху мохнatom.

Искательница приключений вернула меч в ножны, поклонилась вслед сварливому чудищу и задумалась о мхе. Да, о мхе.

Кстати, о мхе же! Златовласка вышла к ручью, набрала с земли, коры, камней мха в изготовленную для таких целей почти герметичную коробочку. Отобрала мох жестко, толь-

ко кустики с кровавым отливом подходили ей, встречающиеся гораздо реже, чем того хотели бы многие и многие врачеватели.

Какую бы неприязнь к лесу искательница приключений ни испытывала, она также хорошо знала, что его почва издавна славилась целебным плодородием. И по сей день, даже с недобрым лесом на себе, она сохранила эту силу. Только мало кто отваживался теперь посягать на плоды ее: это делали лишь те люди, кто был в силах сразиться, например, с ожившим взбешенным деревом – а деревья здесь на дух не переносили, когда в их царстве хозяйничал человек.

Но не стоит думать, что красный мох вопреки его цвету произрастал от крови погибших здесь травников и безнадежно заблудившихся путников. Нужный искательнице приключений вид питался так глубоко схоронившейся под землей медью, что разве что низкорослые люди с севера и могли только прорыть к ней шахты, а им позволяли разрабатывать рудоносные прииски лишь в одной их покрытой снегом стране. Посему редкие корешки мха ли самого иль растений, с которыми он сожительствовал, дотягивались до меди, впитывали порами ее магию и передавали наземной части, чтобы та стала жестче, сочнее, окрасилась в королевский алый цвет всему лесу напоказ.

Спустя неделю голодовки по воздуху мох превращался в высоко ценимый в лазаретах навар. Будучи введенным в кровь, он лечил несколько видов смертельных лихорадок,

посему златовласка собиралась, раз уж представилась такая возможность, добыть карманные деньги, продав в одно из известных ей мест порцию пахучей массы, обещавшей сформироваться в ее мешке. Но в мешке ли? Вот в чем вопрос!

Потому что, пристроив походный мешок у ствола соседнего толстяка (но на этот раз не говоря никаких обидных слов), дева прямо из воздуха вынула подобие мешка спального с косолапой подушкой на пару, а следом – ужин из приправленных сухарей и легкого алкогольного напитка. Расстелила спальный мешок на безопасном от разведенного костра удалении, схрумкала парочку сухарей, запила душистой жидкостью из фляги, да и вернула оставшуюся пищу в напитанный тишиной воздух.

В том, что сделала искательница приключений, для нее дива не было никакого, а для тебя, уважаемый читатель, пускай побудет еще одним чудом, которое я, возможно, не раскрою. А может быть, раскрою, и гораздо раньше, чем ты можешь себе представить.

Искательница приключений устроилась спать. И прокляла себя из-за истинного ночного монстра – подушки!

Снова она забыла приобрести замену служащему причиной усталости по утрам кошмару, а от усталости этой Лихт уже давно провела связь к приступам боевого безумия, над которыми она все больше теряла власть. И все потому, что подушка давила на хрупкие, чувствительные уши девы во время сна.

Будь она в другом лесу, в другой земле, то подушку ей заменил бы походный мешок – вот так просто. Но ныне в походном мешке лежал костром в ночи горевший, отпугивающий нечисть в местах, подобных этому, оберег – достаточно сильный, чтобы держать его в удалении от тела, чтобы не проснуться с болью в висках поутру. Именно поэтому походный мешок упирался днесь в дерево в нескольких шагах от искательницы приключений – извлекать оберег из него златовласка по одной ей ведомой веской причине не хотела, – вместо того чтобы облегчить своей хозяйке сон.

Однако Лихт все же забылась тяжким и липким, подобным нитям паутины, свалявшимся в жгучую веревку, в конкон убирающую, кровь высасывающую даже из бывшего воина нечтом. В голове ее мелькнула мысль, что это слишком похоже на воздействие извне, замаскированное под естественные преодолевающие человека силы.

Но было уже поздно, когда сия мысль посетила голову Лихт. Искательница приключений спала.

* * *

Прошло несколько часов. На тракте появился человек. Он нес с собой доверху заправленный зажженный масляный фонарь, но смотрел в лесную темноту так, будто видел дальше освещенного круга от язычка пламени за стеклом на целых несколько шагов. К слову, передвигался человек так тихо и осторожно, что тревожил мягкими подошвами своей обуви лишь редкие, самые невесомые пылинки на древнем тракте,

и даже ручка, за которую он держал фонарь, не поскрипывала, покачиваясь в такт его походке.

По одежде человека можно было принять за странника, не будь она слишком грязна и оборвана даже для нищего. По движениям – за пролежавшего долгое время без охоты хищника, чьи суставы с удовольствием вспоминали свою работу. А по пальцам, загрубевшим и с трещинами, с грязью под ногтями – добывающего хлеб трудом своих рук работающего, тяжелым и неблагодарным трудом.

Он не боялся бродить по лесу ночью, словно бывал в местах и опаснее его, и считал свой нынешний риск не слишком великим. Более того, складывалось впечатление, что с лесом человек этот был знаком прочно, может быть, вырос в этих местах. А еще никому не потребовалось бы объяснять, что уходил он все глубже и глубже в лес отнюдь не случайно.

И присматривался к дороге, к зарослям с целью ему ведомой и много раз уже достигнутой за его жизнь. Пусть за определенное время и под влиянием определенного места в городе с площадью нрав человека изменился, и он посмотрел на мир под другим углом, но этой ночью он, однако, собирался сделать некое старое дело – чтобы изменить свое положение в обществе.

Человек остановился и исследовал оставленные Лихт тела вместе с неведомым образом самой по себе принимающей первоначальный вид земель в тех местах, где вечером из нее вырывалась вода. В уме человек весьма точно восста-

новил картину боя и составил близкое к правде представление о способностях и умениях победителя в нем. Удивился, не найдя мертвых лошадей, ибо, по его разумению, одна или две из них неизбежно должны были погибнуть в этой схватке, но и сделал вывод, что искатель приключений теперь стал еще и конокрадом. Он не знал, что все лошади в целостности и сохранности вернулись в город.

Хотелось верить, что человек сей не нес на себе оружия; и одет он был слишком просто, чтобы спрятать на себе что-либо длиннее обычного кухонного ножа, каким режут хлеб. Но внешность в этом мире обманчива, поэтому более чем допустимо было, что в давно изношенном коротком сапоге, в штанине рваной, а то или в волосах даже (грязных и спутанных) прятал этот человек сюрприз смертоносный для тех, кто сам не мог постоять за себя и убить кого угодно.

Однако за спиной его вдруг сгустилась тень чернее ночи и поплыла над дорогой, будто не касаясь ее.

Почему-то человек не заметил тени, даже когда она поравнялась и пошла нога в ногу с ним, сбоку. Не посмотрел туда, куда впитывался, всасывался свет масляного фонаря, не отражаясь, в тот сгусток ночного воздуха бесформенный. И глазом не повел, когда тень черным ветром пронеслась прямо перед его лицом, всколыхнув свалявшиеся пряди его волос.

Тогда тень стала подбирать с дороги камушки и подбрасывать их в воздух, чтобы они со стуком падали на твердые

кочки и с хлопаньем — в лужицы скверно пахнущей влаги. Может, на стук и хлопанье человек обратит внимание?

Не помогло и это; тень узрела сорванную с дерева ветку и принялась выписывать ею пируэты по всем сторонам от человека — каждый взмах сопровождался пронзительным свистом. Ветвь хрустнула, ломаясь, ибо пользы ночной тени никакой не принесла.

Человек остановился на секунду и подкрутил фитиль в фонаре.

Вот тут тень смекнула, что ее все-таки заметили, но умышленно не подали виду. Немедля обернулась она волком с красными глазами и выскочила из зарослей на тракт перед человеком. Расставила широко лапы, разинула пасть, взъерошила загривок, вывалила чудовищно длинный язык со змеевидным раздвоением на конце и раскатисто зарычала.

А человек склонился и погладил волка по холке. Тень в растерянности метнулась с тракта. Человек рассмеялся.

Спустя минуту закружился над человеком ворон и провозгласил его злую судьбу режущим и гулко разошедшимся по лесу карканьем. Желтые глаза ворона колдовским огнем потекли во тьме, и желтый клюв его был точно поминальная свеча по мертвецу.

Но человек признался вслух, что не носит с собой падали и ему нечем накормить стервятника.

Тогда полетели отовсюду летучие мыши, стаяй кры-

льев-когтей подрали лицо, волосы и одежду, оставили порезы на загрубевших руках человека, зелеными глазами-бусинками расшвыряли искры яда на кровоточащие раны его. Разом живое пищащее облако облепило человека, повалило его наземь, стало катать в грязи и зловонной жидкости, пачкая черные тельца свои красным с коричневым вперемешку.

Тут он вскочил и бросился бежать, а стоя, загоревшаяся от разбитого фонаря и плеснувшего из него полыхающего масла, понеслась за ним, будто призрак, восставший из ада, в пламени алкающий пожрать мир. Дикая гонка поскакала по лесу, сопровождаемая писком чертовой дюжины сгорающих заживо кровососов.

Убегая, человек не кричал и вообще не подавал голоса.

Этого тени оказалось достаточно; там, где человек не повернул с дороги, когда направлялся еще в сердце леса, а не бежал прочь из-под древесного полога, тень сошла с тракта, преодолела густые заросли и перешла ручей, не помутив и кусочка пробившегося через ветви лунного света на воде. Да, там, над лесом, в свободном уже от облаков воздухе висела ныне полная луна.

Просыпались самые нечистые создания и выходили на ночную охоту, так что горе было всем, не убравшимся из чертога стволов, если не было у них покровителя вроде магии, способной хотя бы отпугнуть нашедшего добычу хищника. Магии навряде оберега в походном мешке Лихт, моментально загоревшегося дивным светом – даже толстая

ткань мешка пропустила часть этого свечения. Почему дева не проснулась в тот миг?

А порождение ночи приблизилось, подняло походный мешок своею рукою и переместило его подальше от дерева, подальше от спящей искательницы приключений. Никак сие действие не сказалось на нем: оно вернулось и всмотрелось в складки спального мешка, будто могло видеть через них одежду Лихт. Особое внимание тени привлекло место, где следовало располагаться ушедшей под подушку левой ладони искательницы приключений с перстнем на пальце, обманчиво потертым и ничего не стоящим. А после нечистая сила взгляделась в мочки ушей девы, затем приковалась взглядом к розовеющему пульсирующему декольте. Неужто ночному духу захотелось запечатлеть на шее Лихт поцелуй?

Тень сочла, что узнала достаточно, подобралась, сгустилась, сжалась, стала принимать двуногую и двурукую форму. Тут неудобная подушка искательницы приключений сделала свое дело, кольнув пером спящую в шею, и та проснулась. Села, зевая и потирая глаза.

Зрения ее хватило, чтобы тут же различить высокие сапоги из красной кожи, которую могли позволить себе одни лишь богатые аристократы северного края, и это привело к рождению самой страшной мысли, способной возникнуть у девы в этом лесу. В мгновение ока Лихт была на ногах.

Но...

– Прости, – сказала тень. – Непозволительно было с моей

стороны пугать тебя.

Меч искательницы приключений вылетел из ножен, и яркий свет осветил поляну — она не намерена была говорить. Искры посыпались от раскаляющегося лезвия, повалил пар из влажного воздуха, от всего вокруг повеяло энергией молелен, мест, пропитанных духом святых и прикосновением богов, имеющих отношение к свету, ненавистных тьме.

Но гость девы не попятился. А меч так и повис в воздухе, едва описав взмах, ибо его хозяйка взглянула в глаза проклятому духу, чтобы увидеть в них все, когда клинок понесется к его призрачной плоти и пронзит ее, даруя смерть тому, кто до сих пор не упокоился.

Ведь глаза эти были виноватыми.

Потом они стали глубже глубокого озера, моря, океана, и Лихт утонула в них. Очнулась, когда нечеловеческая сила оторвала ее от земли, подбросила в воздух и приставила спиной к дереву, так сильно, что из легких искательницы приключений вышибло воздух. С беспомощностью Лихт почувствовала, что походного мешка под кряжистым стволом, где она его положила, не оказалось.

Тогда на смену беспомощности девы пришла ярость.

И с яростью глаза Лихт ударили по оказавшимся вдруг близко глазам гостя, в которых с такой же силой разлилось желание, неведомое ни одному мужчине, когда-либо бросавшему взгляд на Лихт.

В этих глазах было желание познать ее душу.

В тот же момент сильные пальцы сдавили подбородок де-вы, приподняли его вверх, отвели в сторону. На шею рычащей искательнице приключений дыхнуло жарким холодом, острейший нож порезал ее, и струйка крови, пар теплоты, пробежала к груди, незвано напрягшейся и отвердевшей.

В заметивших это глазах твари ночной заплясал бесовской огонь. Равно как в теле Лихт вспыхнуло пламя в низу живота.

Но дикий вопль вдруг едва не разорвал барабанные перепонки искательницы приключений, а сила, прижимавшая ее к дереву, неожиданно исчезла.

Лихт сползла по стволу. Уселась в глупой позе, силясь понять, что произошло.

Тени и след простыл.

Затем лес сотряс вой с примешавшимся к нему человеческим писком. Вой перешел в смех, а писк – в хруст костей, и стало затем тихо под луной.

Искательница приключений поднялась; ее жар растаял в ночи вместе со смущением от этого нового для нее чувства. Зашуршали листья растений у берега ручья, и к ночлегу Лихт вновь вышел ее гость.

– Нет, – сказала дева, пятясь назад. Но лес отмстил ей, поставив корнем дерева ножку в виде на земле вздувшейся кочки. Лихт споткнулась и больно упала на груды камней. От обиды за неловкое падение ее злость унесло, а боевое безумие почему-то не соизволило появиться.

Когда ее бережно ставили на ноги, она понимала, что к ней относятся так в последние минуты ее жизни. Но ведь никто не говорил, что она сдалась. Когда музыкальный палец смазал кровь с ее щеки, Лихт краем глаза заметила свой меч: тот елозил по земле в некотором удалении от нее и поворачивался рукоятью в ее сторону.

Ночной гость посмотрел на губы искательницы приключений. Его же губы, щеки, нос измазались в крови, понятно, не его. Вот тут меч рванулся с лесной почвы и впрыгнул в ладонь дочери поэтов.

Пальцы Лихт сжались, кожа запела от прикосновения любимого бархата рукояти. Тонкая рука нанесла быстрый смертоносный удар.

От удара нечистый без звука упал на колени и склонился к земле. Лихт выпрямила его, поддев кончиком сапога его подбородок, занесла клинок, чтобы покатила голова его, впилась в глаза его вновь перед последним ударом и повела меч.

Взвизгнул воздух. Охнуло дерево. Запротестовал лес.

Но меч дотронулся до шеи нечистого и заколебался в ослабшей руке искательницы приключений.

Потому что в глазах порождения ночи Лихт прочитала лишь грусть и вековую боль.

А меч сразу же вырвали у нее да всадили по самую гарду в дерево.

Тут же передалась искательнице приключений дерева

боль, а вместе с нею влилась боль, причиненная ею ее гостю, и наконец, сквозь заслон схватки пробилось страдание ее собственного тела. Златовласка пошатнулась и подалась назад, погребенная под нахлынувшими на нее чувствами. Заплакала, ибо оказалась не в силах сдержать это все в себе.

Меч покинул древесину ствола иссеченного трещинами (будет дупло). Лихт против ее воли взяли на руки, отнесли к ручью. Раздели. Промыли там, где болело.

Одели, засунули в спальный мешок. Сели рядом, устроив ее голову на своих коленях.

– Хватит убийств, – прозвучало в тиши.

Не было силы у девы убрать щеку с чужих ног, как не было силы и повернуть голову. Было знание, что лицо ее гостя сейчас темно и мягко.

Меч угрюмо подполз по мелким камушкам, словно чувствуя настроение искательницы приключений. Лихт выпростала руку, обняла рукоять. Показалось, или это гость помог ей собрать для этого волю?

Как бы то ни было, дева зашептала смертельное заклинание для детей мрака. Только волной охватившая ее древняя боль остановила ее на последнем слове.

– Доскажи, – попросил нечистый дочь поэтов.

Но Лихт вместо этого закрыла глаза и смолкла.

...Он знал, что девушка спит, поэтому сидел без движения. Наверное, он хотел, поэтому неловко даже, осторожно погрузил пальцы в ее волосы. Не разбудил, девушка только

сладко вздохнула.

– С этого часа и до утра пускай хранит тебя мягкая бездна. По твоему следу шел человек с кинжалом из города. Я прогнал его, а он вернулся. Что ж, он доживет до утра, пусть я и переломал ему все кости. Лес позаботится о том, что жизнь не покинет его, а когда его подберут, то вылечат в лучшем лазарете, ибо он скажет, что нанес тебе смертельный удар, и покажет вот эту подделку, похожую на твое кольцо. В городе поверят, что ты мертва. А ты бы его убила, доведись ему тебя догнать, и была бы по-своему права, поступив так.

Проснувшись, ты вспомнишь все, что я говорю тебе. И это будет последним, что останется у тебя от меня.

С рассветом он ушел. А она проснулась и, кутаясь в мешок, хотела, чтобы он вернулся.

Глава первая

А по этому городу близ южного края материка предыдущего повествования мы проходиться не будем, ибо нас интересуется группа старых зданий в отдалении от причалов прилежавшего к городу порта, к которым вела утоптанная дорожка. Четыре дома, все двухэтажные, три из них выглядели слишком плохо, дряхло даже для обиталищ попрошайек и портовых нищих; говоря откровенно, любой моряк при взгляде на них давался диву, как их не сдуло прошедшим здесь недавно ураганом. Зато четвертое, крайнее здание создавало впечатление несколько раз перестроенного, хорошо отремонтированного, по-прежнему прочного и жившего бурной жизнью заведения; в двери его и упиралась дорога от пристаней.

Заведение сие определенно обладало своим секретом популярности; слава о закусках его хозяйки разносилась на несколько портовых городов вдоль побережья и далеко вглубь материка, а определенные людские круги считали этот дом самым горячим местом своего рода в центральной части южной империи, а ведь на все в мире есть свои причины. Дом стоял на своем месте уже больше сотни лет, в нем работали перенявшие лучшее в своем ремесле люди, и даже вышибала ежесуточно обитал у двери из дорогой восточной древесины с хорошо смазанными петлями отнюдь не только для виду.

Своими руками с развитой мускулатурой и видимыми через окна на задний двор тренировками два раза в день он заставлял призадуматься определенного сорта посетителей, прежде чем они совершали какой-либо слишком смелый поступок по отношению к работникам заведения. Заставлял призадуматься, как призадумался он сам, когда в дом мимо него скользнула фигура в темном дорожном плаще с капюшоном, из-под которого выглядывал кончик острого носа.

Смолкли постояльцы и проходимцы (у вышибалы была превосходная память на людей, и он называл проходимцами посетивших дом не более двух раз человек), будто фигура, как вошла, тяжело сдавила зал взглядом. Постояла на виду у всех, затем подошла и опустилась на скамью одного из центральных столов. Моряки, веселившиеся за столом, тут же предпочли перебраться в другое место. Вышибала не удивился, запусти бы странник тарелкой с супом в лицо одному из них, чтобы они поторопились. Вышибалу насторожило кажущееся отсутствие оружия у странника, и та же мысль пришла в голову вошедшей в тот момент в зал с кухни хозяйке, когда ее взгляд упал на нового посетителя.

А странник неожиданно расслабился, опустил плечи, положил руки на стол, что подействовало успокаивающе и на посетителей. Скоро тишина сменилась обычным трапезным гулом без привкуса настороженного любопытства и нервозности.

По одному ему известным признакам в поведении вышиб-

бала определил, что странник будто искал кого-то здесь. Вышибала, человек с широким шрамом на голове, конец которого опускался с тщательно выбритой лысины на лоб над правой бровью, посмотрел на хозяйку. Понял, что та не договаривалась о взаимных услугах с каким-нибудь скользким человеком, которого только и мог искать посетитель с такими манерами по отношению к окружающим, да в городе скользких личностей попросту почти и не было. Из чего следовало, что странник ошибся местом, пришел не туда, куда ему нужно, возможно, посетил даже не тот населенный пункт.

Как это водится, вопреки размышлениям вышибалы вскорости уходить из заведения этот посетитель совершенно определенно не задумывал. Желания пообедать, просидев за столом уже несколько минут в компании окружавших его аппетитных запахов и бряцания столовых приборов вкупе с усердно работавшими челюстями постояльцев, он тоже не проявил, да и на лестницу на второй этаж не посмотрел ни разу, а именно она вела ко второй и главной личине дома, который вышибала уже три десятка лет как охранял. Это укрепило вышибалу в выводах, сделанных им из наблюдений за странником.

Что ж, он стал смотреть, как хозяйка подходила к столу странника с намерением предотвратить нужду в физической силе. Вышибала по опыту знал, что из порта порой приходили люди, которым словами объяснить, что им следовало

поискать другое заведение, могли лишь миловидные создания с длинными ресницами и игривыми глазами вроде работниц и самой хозяйки дома. Гул к тому времени перерос в обычный для послеобеденного часа гвалт: постояльцы легко забыли о новом посетителе.

Хозяйка смахнула со стола скитальца крошки сухой тряпкой, вытерла пролитый мореходами в спешке суп, склонилась к страннику и улыбнулась. Тут же отпрянула, так как тот, взглянув только хозяйке в лицо, а не еще чуть ниже, спустя несколько мгновений стукнул кулаком по столешнице:

– Выпивки в кружке погрознее! – потребовал он.

Зал замолчал, ибо услышал неожиданно низкий для тонкой фигуры голос. Вышибала же неприятно улыбнулся, так как определил по звучанию возраст обладателя голоса и остался не впечатлен: молодыми годами, здоровым телом объяснил он себе насторожившие его легкие, порывистые движения странника. А хозяйка вздернула носик в ответ на прозвучавшую реплику, повернулась и пошла в кухню, но прежде одарила юношу порицающим взглядом. За столами наблюдавших эту сцену слышались смешки, затем посыпались едкие замечания и острые словечки в адрес фигуры в плаще.

Скоро помещение затряслось от смеха: хозяйка вернулась в зал и поставила перед молодым человеком кружку с отменным пойлом. Юнец напросился.

Вышибала стал ждать, когда он закашляется, хлебнув на-

питок. Под свист и улюлюканье юноша поднес кружку к губам и при этом старательно не пролил ни капли варева – а ведь хозяйка со щедрым умыслом наполнила сосуд до самых краев, чтобы юнец подольше одолевал его себе на посрамление.

В третий раз зал стих, так как поило перетекло в глотку юнца быстро и с удовольствием, без препятствий и остановок, а пустая кружка, ни разу не оторвавшаяся от губ молодого человека, так грохнула о столешницу, что по ее дереву пошла трещина, и из трещины повалила густая пена. Нахальный мальчишка оказался горьким пьяницей.

Только вот пьяницы, как известно, не пышут здоровьем!

Вышибала обвел взглядом первый этаж дома. Прочитал на лицах людей одно лишь удивление от увиденного. Те, кто находился в зале, странника определенно не знали, ни постояльцы, ни проходимцы, ни даже один или два человека из группы купцов, впервые толкнувших столь приветливую и прославленную дверь знаменитого заведения в маленьком, но богатом порту, когда от юнца веяло уверенностью, что он пришел именно туда, куда хотел.

Для вышибалы это значило, что пора было разминать пальцы в качестве ненавязчивого предупреждения. Хруст косточек, тихий, отчетливо, однако, полился в помещение, в приходящий в себя после удивления гул, благо теперь молодой человек снова сидел тихо и не подавал признаков жизни.

Дальнейшие действия вышибалы предупредил своевре-

менный взгляд хозяйки. Что ж, вышибала кивнул, но разми-
нать пальцы не прекратил и только внимательнее проследил
за тем, как хозяйка подошла к столу странника и заговорила
с ним во второй раз. С ее уст слетело несколько слов, на ко-
торые в ответ юноша постучал кружкой по столешнице, то
есть потребовал новую порцию выпивки – не слабее, а то и
забористей предыдущей, а заодно подтолкнул кружку к хо-
зяйке на замену, ибо из этой пить стало уже невозможно.
Девушка нахмурилась, ушла на кухню, где кружка полетела
в очаг печи, на которой готовилась еда, и попутно добави-
ла еще несколько грошей в будущий счет за ранний ужин
странника.

Хруст косточек. Вышибала буравил висок юнца взглядом.
Он чувствовал, что юноша видел его, наблюдал за его руками
и выражением лица, несмотря на то что капюшон с черным
провалом под тканью повернулся в сторону кухни и лестни-
цы на второй этаж с закрытой дверью, за которой прятался
короткий коридор с четырьмя уютными комнатами. Похоже,
молодой человек обратил внимание, наконец, на лестницу, и
задумался о ее предназначении.

Забавно могло получиться, если бы дверь второго этажа
открылась и по ступеням спустился нужный мальчишке че-
ловек. Но в тот момент, когда вышибала подумал об этом,
два пролета вниз, в зал, ленивой, уставшей, но довольной по-
ходкой преодолел обычный на вид мореход, обладатель низ-
кого чина на своем судне, с девушкой из заведения под руку.

Вышибала помнил, что кроме этой пары пока никто не поднимался на второй этаж этим вечером; понаблюдав за моряком и девицей, затем замерев и прислушавшись, юноша, по разумению вышибалы, сделал такой же вывод о населенности людьми второго этажа здания.

И потерял терпение.

В четвертый раз наступила тишина. Она была полной и долгой, даже служанки, доселе безустанно сновавшие с подносами с пищей, напитками, грязной посудой между столами, замерли и замолчали. С кухни вышла хозяйка, она несла кружку хмеля большей емкости, чем предыдущая, и с совершенно убойной жидкостью, что пузырилась и плескалась в ней под шапкой пены насыщенного ядовито-зеленого цвета. Хозяйка вмиг стала чернее тучи, ибо у нее на глазах юноша вскинул руки и тонкими музыкальными пальцами смахнул с себя капюшон.

Сразу же по уложенному соломой каменному полу заскрипели стулья и скамьи. Двое мужчин, быстрее, чем хозяйка успела моргнуть, уселись у юнца по бокам, а третий приземлился через столешницу от него напротив. Хозяйка при виде этого сдула пенную шапку с кружки, хорошо глотнула хмельного из сосуда (поморщившись от непередаваемого вкусового ощущения), который уже не собиралась подносить к столу, и уперлась в странника сулившим очень многое взглядом. От этих покрасневших щек и сошедшихся к переносице бровей губы вышибалы скривились: он знал, на что жен-

щины способны друг по отношению к дружке в борьбе за мужчину. А тут все обстояло хуже, гораздо хуже, чем можно было себе представить.

Потому что юноша оказался девушкой с самоуверенным взглядом и гордо расправленной небольшой, судя по складкам плаща, грудью, отчего работницы дома все как одна приняли озлобленный вид и только суровели по мере того, как к страннице подсаживалось все больше и больше мужчин.

К тому моменту вышибала разминал уже не пальцы, а кисти; он кивнул хозяйке, прошептал ей несколько слов, когда она подошла. Но столкнулся с недоверием, оттого что хозяйка видела, как со все меньшим неудовольствием странница убирала руки постояльцев со своих торса и бедер. Вышибала пожал плечами, ибо всерьез считал, что до странницы лишь несколько минут как стало доходить, что значило такое внимание к ней и что сообразно пониманию она только все больше пользовалась подвернувшимся ей под руку инструментом.

Хозяйка отошла от вышибалы недовольная. Впрочем, она продолжила заниматься своими делами как ни в чем не бывало, потому что красочно представила себе, чем все вот-вот закончится. Она вообразила себе весьма живописную сцену и поглядывала, при этом особо не пряча взгляда, когда же странница зайдет слишком далеко.

Несмотря на разногласие с вышибалой в деталях, суть происходящего не поменялась: слова стали уже бессильны

что-либо изменить. Когда в очередной раз хозяйка вышла из кухни с подносом, она в предвкушении встретила глазами с вышибалой, который разогревал мышцы спины округлыми движениями плеч и лопаток. Скоро представление должно было начаться.

Хозяйке было непонятно, как вышибала умудрился разглядеть в страннице что-то большее, чем портовую шлюху со свежим лицом и дурным характером. Особенно когда она осушила бокал одного из подсевших к ней мужчин, после чего поднялась со скамьи на стол, расчистила столешницу вокруг себя ногами (посуда посыпалась на пол) и принялась медленно, но все больше увлекаясь, танцевать.

Однако здесь же хозяйка прищурилась. Затем выражение ее лица неожиданно полностью изменилось: странница точным движением уронила с плеч на оголившийся стол свой плащ.

Прямые светлые волосы до таза, точеная фигура, набирающие страстность движения самозванки заставили хозяйку, затаив дыхание, вспомнить, что такого типа девушки давно не хватало в ее заведении, а сразу за тем вспомнить, что такого типа девушек не хватало в ее ремесле. Что скрывать, женщины ее породы выбирали это ремесло потому, что хотели заниматься им, потому что оно требовалось им для удовлетворения их страстей, а не по нужде в заработке и крове.

Вышибала тоже считал, что странница танцевала по своей воле, это так. Но, на его взгляд, воля ее заключалась в жела-

нии показать определенному человеку в доме, что окружающие ее стол люди дорого заплатят, если он не мелькнет сейчас же среди них. Двигаясь все непристойнее, она будто безмолвно кричала, что от нее не уйти, не спрятаться, даже если она не знала свою жертву в лицо – в чем вышибала, однако, сильно сомневался. Скиталица предупреждала танцем, что быстро и бесповоротно теряла контроль над собой. А это сулило привести к очевидным для предмета ее поисков совершенно неприятным последствиям.

С буграми мускулов на руках и шрамом на голове, вышибала смотрел и понимал, что девушка совершенно плевала на возмездие со стороны власти и даже простых людей города, которое неотвратимо настигнет ее всего несколько часов спустя после того, как по ее совести кто-то больше не сможет работать и кормить семью. Вышибала посмотрел на хозяйку, но с неприятным удивлением столкнулся с ее восхищенным взглядом.

Убедился в который раз, что в нужный момент женщины по непонятной причине перестают думать и что это только что случилось снова, здесь и сейчас. Тогда вышибала разрешил себе пойти к столу странницы. Но в то же время краем глаза не смог не отметить поспешивших на второй этаж с не слишком упиравшимися служанками четверых купцов, на которых сильно подействовал развязный танец на центральном столе.

Постояльцы расступились перед вышибалой, и он остано-

вился у узкого края стола. На удивление ловко рука вышибалы нырнула в просторную одежду, в которую он был одет. В следующую секунду в теплом свете клонившегося к горизонту солнца, которым со стороны моря был залит зал, сверкнул острый металл.

Топорик с коротким лезвием вонзился в столешницу у ног странницы. Пена из расколотой его острием одной из трех избежавших падения на пол кружек полетела по воздуху и повисла на бородах сидевших и стоявших вокруг стола мужчин. Постояльцы, кто сидел, повскакивали со скамьи, кто стоял – отпрянули на почтительное расстояние, а девушки-служанки испуганно вздрогнули при звуке удара. Те из служанок, кто увидел топорик, вскрикнули и прикрыли рты руками, если в тот момент они были свободны от подносов.

Обладательница светлых волос прекратила танцевать. Она скосила глаза вниз, на топорик, затем изучила руки вышибалы, которые тот скрестил на груди. Странница сразу поняла, что значил этот жест.

Медленно, со вкусом, она опустилась на колени. Прогнулась спиной, оперлась на обе руки, потом с небольшим нажимом просунула два пальца в промежуток между рукоятью топорика и столешницей. Уголок рта светловолосой девушки приподнялся.

– Плохо вошел, – сказал низкий голос. И тут же сидение на коленях с опорой на руки стало двусмысленным, а странница еще и погладила рукоять топорика ладонью.

Еще двое с работницами дома заторопились наверх.

Вышибала протянул руку и выдернул топорик из дерева, при этом едва не коснулся руки обладательницы светлых волос; та проследила за вышибалой спокойно, будто он никак не нарушил ее личное пространство. Миг спустя металл сверкнул вновь, и лезвие топорика пробило древесину насквозь. Две прежде уцелевшие кружки с пойлом разлетелись в куски.

Капля хмеля расчертила щеку странницы. Девушка позволила ей стечь до подбородка, после чего сняла хмель кончиком пальца и слизнула спиртное с подушечки. Изучила ноготь и третью фалангу, пристально, будто сделала знаменательное открытие.

– Мало брызг, – вынесла приговор она.

Далее вышибала сидел на полу и приводил в порядок зрение. Его топорик звякнул о камни, небрежно брошенный. Странница спрыгнула со стола.

– Плохо вошел, мало брызг, да и размер меньше среднего будет, – сказала она громко. Затем обратилась ко всему залу: – Кто хозяин здесь?

Ответа не последовало. Мужчины в молчании пожирали скиталицу взглядами.

– Кто хозяин тут? – повторила она.

– Я, – сказала хозяйка дома.

Взгляды девушек встретились. В одном был гнев, он сжигал остатки былого восхищения, а во втором ясно чита-

лось отсутствие интереса ко всему происходящему, и лишь неприятная принужденность действовать дальше. Странница продолжила говорить:

– Даром у тебя вышибала хлеб ест. Страшен он на вид, мускулист и закален в потасовках, но женщина его с ног сбивает легким нежным поглаживанием.

Хозяйка поняла, куда клонила странница.

– Не раз доказал вышибала себя в деле, – возразила она.

– Пускай докажет еще раз, ибо только что осрамился он, – ответствовала странница.

В зале возроптали на это.

– Негоже бить женщину! – донеслось сразу с нескольких сторон, правда, не очень уверенно, ибо вышибала до сих пор потирал глаза и тряс головой в попытке привести видимый ему мир в фокус.

– А это мы проверим, – сказала странница. – Как бы не вышло, что женщине мужчину бить стыдно.

С этими словами она села за край стола. Дождалась, чтобы вышибала поднялся на ноги и обменялся с хозяйкой взглядами. Та кивнула.

Странница поставила на столешницу локоть, сомкнула и разомкнула ладонь, поманила вышибалу к себе зовущим жестом – пальцем. Под одобрительный гул вышибала опустил-ся за противоположный край стола, поставил и свой локоть на столешницу. В падавшем из окон свете его мускулы заиграли великолепным рельефом.

Руки странницы и вышибалы сошлись, тонкая бледноватая ладонь без остатка утонула в широкой. Кто-то отсчитал три счета, мышцы напряглись, кисти вышибалы и странницы задрожали от усилия. Затем под свист и улюлюканье широкая загорелая ладонь поползла вниз и оказалась прижатой к столу.

Странница поиграла пальцами, поворачивала запястьем, расслабила его. Повернулась к стоявшим позади нее мужчинам и сказала:

– Я сильнее его. Но пускай попробует положить меня двумя руками, и да будут боги ему в помощь.

Насмешки постояльцев в сторону вышибалы были реакцией на слова странницы. Но вышибала согласился и даже, покраснев от усердия, победил.

Он посмотрел страннице в глаза, будто спросил, что дальше. Создалось ощущение, что между ним и девушкой установилось некое странное взаимопонимание в тот момент. Странница сказала:

– Давай в третий раз, дружеский. Можешь так же, двумя руками.

Возгласы одобрения встретили ее предложение, а вышибала всей душой пожелал, чтобы нужный светловолосой гостье человек в конце концов показался. Похоже, только один вышибала из всех присутствовавших догадывался, что невинными забавами дело не ограничится, если странница вскорости не найдет того, кого искала.

Но среди постояльцев и проходимцев не возникло новых лиц, как не нашлось и глаз, выражавших что-либо помимо острого ожидания захватывающего зрелища, когда вышибала быстро оглядел помещение. Тогда он снова обхватил ладонь девушки своими ручищами и надавил еще до того, как в очередной раз выкрикнули счет.

В первые секунды вышибале сопутствовал успех, ибо странница не ожидала, что он начнет жать сейчас же. Однако затем руки вышибалы почему-то ослабли, отказались подчиняться ему и легли так резво, что отчаянно побелевшие костяшки пальцев его стукнули о стол. Вилки да ложки на столешнице подпрыгнули и жалобно звякнули.

Странница высвободила руку из ладоней вышибалы и поднялась со скамьи.

– Теперь не грех побить женщину, – заявила она. – Ведь все видели, что я не слаба. А вышибала никому не доказал, что не даром хлеб ест и воду пьет в этом доме.

В пятый раз за вечер в зале стало тихо. Вышибала обменялся взглядами с хозяйкой. И он, и она знали, что выбора у него особого не было. Поэтому вышибала встал из-за стола, чтобы продолжить уже в откровенной форме исполнение старого обычая таверн и постоялых дворов, в котором выяснялось, кто более пригож защищать заведение, прежний вышибала или пожелавший занять его место другой человек. Вышибала вспомнил тот день, когда сам предъявил свои права работать в этом доме, и вспомнил так же последовав-

шую за словесной перепалкой яростную схватку, в которой он вышел победителем.

Уже через минуту хозяйка с бессильной злостью наблюдала за избиением своего вышибалы, когда он раз за разом оказывался лежащим на полу. При этом кости вышибалы не хрустели, кровь не текла из полученных им ран, да и ранто на вышибале не появлялось, ведь странница обращалась с ним бережно, только лишь разными способами роняла его на солому.

Зато лица постояльцев, на которые хозяйка тоже смотрела, вселяли в нее все больший страх после каждого броска странницы, после каждого ее легкого и расслабленного движения. По мере единоборства, а по сути – унижения вышибалы, в гримасах мужчин оставалось все меньше человеческого: здравый рассудок вытесняло пробудившееся в них желание плоти и крови. Больше половины постояльцев хрипло закричали и забили кулаками по столешницам, когда вышибала вдруг плохо упал и тяжело закашлялся.

Вышибала прилагал огромные усилия, чтобы подняться на ноги. Странница стояла над ним и смотрела, получится ли у него это. Вышибала никак не мог совладать с собой, а затем его снова сотряс кашель, и он сплюнул на пол чем-то красным, вязким. Это видели все в зале.

Словно сговорившись, все как одна девушки-служанки побежали из зала – кто на кухню, кто на второй этаж. Они еще не видели такого насилия в их заведении, да и не увидят

больше после этого дня. На первом этаже из женщин, вернее, невинных на вид девушек, остались только странница и хозяйка.

Далее поднятый с четверенек вышибала рухнул от очередного броска на один из столов, перевернул его с хрустом дерева и остался лежать посреди перемешавшихся блюд и напитков, в каше мяса, овощей, пузырьков да пены разноцветного алкоголя. Станница наступила вышибале на грудь подошвой сапога, перенесла вес своего тела на согнутое колено, чем взяла и выдавила воздух из легких вышибалы.

– Выползай прочь, – зло сказала она.

Вышибала пополз, как только сапог убрался с него. Пополз, трижды едва не упав, на улицу, за дверь, под заливистый хохот мужчин. Когда дверь за вышибалой затворилась, странница сделала то, что представлялось ей наиболее логичным сделать дальше.

Она вспрыгнула на стол, на котором ранее танцевала. Постояльцы и проходимцы восторженно закричали. Хозяйка же закрыла лицо руками, а ее ноги, помимо воли, будто приросли к полу. Воображение принялось рисовать хозяйке с безудержным рвением, как ее валят с ног, разрывают на ней одежду и как она не может сопротивляться всем желающим ее тело.

– Смотри, в твоём доме пируем! – прозвучал в десятке шагов от хозяйки низкий, но звонкий голос. Он заставил хозяйку отнять ладони от глаз. Была в этом голосе какая-то

колдовская сила, которой хозяйка подчинилась.

Она вновь увидела странницу: та страстно танцевала на столе и взхлеб пила из чужих кружек все, что подносили ей одни руки постояльцев, в то время как другие раз за разом безуспешно тянулись к ее голеням и бедрам. Скиталица ловко отталкивала их, а особо резвые хлестко била, чем еще сильнее подогревала общий пыл. Потом хозяйка заметила, что метательный топорик вышибалы пропал с того места на полу, где он остался лежать. У хозяйки закружилась голова, перед глазами побелело при мысли о том, что кто-то из мужчин подобрал его.

Вдруг будто порыв ветра прошелся по залу, вопреки тому что утро и день выдались на редкость спокойными в плане погоды. Что-то бешено вращавшееся на лету вошло по рукоять в деревянную часть стены дома, а очередная кружка в руке странницы за секунду до этого с глухим хлопком лопнула и окатила душистыми брызгами мужчин вокруг стола.

Хозяйка вскрикнула от неожиданности. Странница повернулась почему-то к двери. А постояльцы и проходимцы загоготали, стряхивая с бород и рубах пену, приняв случившееся за похабную проделку.

Но скиталица мрачно посмотрела вверх их голов, и они притихли. Проследили за ее взглядом. Увидели в дверном проеме вышибалу, в лице которого отчетливо пахло кровью.

Светловолосая гостя сошла со стола на пол. Перед ней расступились.

– Ты бросил топор мне в спину, – сказала она вышибале.

– Я мог убить тебя, пока ты плясала. Благодарю меня за то, что оставил тебе жизнь, – ответил тот.

– В этом городе никому нет дела до моей смерти. Никто не стал бы искать мое тело и человека, который убил меня. Ты побоялся бросить топор туда, куда надо, вот оно что. Ты трус, раз струхнул убить никому не нужную самозванку.

Реплика странницы вызвала в адрес вышибалы поток насмешек, что резво запрыгал по помещению, между стен и от пола до потолка. Но вышибала, который неизвестно как привел себя в порядок за дверью заведения, и глазом не моргнул. Он будто не слышал ничего из всего того оскорбительного и унижительного, что бросили ему в лицо. Вышибала был сосредоточен на другом, а именно – на госте.

Странница ничуть не удивилась быстрому излечению вышибалы за порогом дома и его возвращению в зал. Она могла совершить и не такое, и с помощью своих собственных рук, а не припрятанного где-нибудь в просторной одежде лечебного зелья, например, выдержанного из красного мха нужной редкой породы. Девушка изучила черты лица вышибалы, ибо его губы не дрогнули, не ответили на ее реплику, а только сомкнулись в сплошную едва видимую линию.

Хозяйка тоже смотрела на вышибалу. Она знала его с самого своего рождения и чувствовала, что он был готов опровергнуть слова странницы. Она ощущала, что он собирался сделать это сейчас любым грязным способом, которых знал

множество, и лишь приберегал до того момента, когда они будут нужны. Ноги хозяйки сами по себе ожили, чем она тут же воспользовалась и побежала к вышибале.

– Не лей кровь в моем доме! – вцепилась она в плечи вышибале. – Я найду тебе работу. В городе много постоянных дворов.

– Никакая работа не светит ему, ибо слух ползет из ушей в уши слишком быстро и делает свое дело обстоятельно и скрупулезно. Есть только один способ предотвратить появление толков.

В подтверждение сказанного странницей вышибала отстранил хозяйку. Он пошел к центральному столу, жалея, что броском топора только разбил кружку в ладони девчонки, а не перебил ей позвоночник, не отсек ей голову, не расколол череп. А ведь топорик отлично смотрелся бы промеж этих самоуверенных ясных глаз.

Идя к страннице, всего два десятка шагов, вышибала нехотя признавался себе, что она была права насчет того, что в этом городе никто не заинтересуется ее смертью. Все в ней говорило, что она здесь в первый раз и не знает из городских и даже окрестных жителей никого, ни одного человека. Он понимал, что по какой-то своей подспудной причине не сделал смертельный бросок, а послал топорик только лишь в кружку с горячительным напитком в руке странницы.

Но все большая часть ума вышибалы понимала, пока он медленно, слишком медленно приближался к столу, что, да-

же полети топор в голову девчонке, его лезвие все равно раскололо бы один только сосуд с хмелем, и выглядело бы все это совершенно естественно. До вышибалы ныне доходило, что посетившая его заведение странница была не совсем человеком в привычном смысле этого слова. Она легко увернулась бы от броска, едва заслышав свист воздуха за спиной со стороны мгновенно и без скрипа раскрывшейся двери.

И вышибала отогнал от себя мысль о том, каковой была бы реакция девчонки, пойми она, что он попытался убить ее.

Кем она была? Что представляла собой, наделенная способностями, которые вышибала только сейчас начинал просматривать за ней в полной мере? Вот о чем думал мускулистый человек с широким шрамом на лбу, когда останавливался в двух шагах от гостьи – а она неотрывно смотрела на него.

Догадка о профессии самозванки вдруг заплясала в глазах вышибалы, и они раскрылись широко. На брови вышибалы обильно покатился холодный пот. Странница моментально распознала эту столь знакомую ей искру – много раз видела она сей всполох понимания в своей жизни. Она отметила капли влаги на лице вышибалы и достойно оценила храбрость, с которой такой смелый и такой жалкий в этот момент человек сделал последние шаги к ней на ногах, переставших у него гнуться.

Страннице совершенно разонравилось то, что она собралась сделать с вышибалой.

Что-то обхватило кисть гостьи. В ответ мягкий удар ладонью упал на хозяйку дома. Он ни капли не повредил лицо и фигуру ее, ибо странница представляла, как хозяйка дорожила ими. Тело попытавшейся остановить странницу девушки служило ей для добычи хлеба насущного, и то же самое можно было сказать обо всех остальных девушках и женщинах, что работали днем и ночью в знаменитом здании около порта.

От удара ладонью голова хозяйки закружилась, в ушах запищало и загрохотало. Кошмар перед глазами ее закачался, поблек и уплыл от нее в темноту. Хозяйка обмякла и распростерлась на соломе, упав с колен, на которых встала в мольбе. Странница отметила красиво разметавшиеся по соломе ее густые темно-каштановые волосы.

После этого удара страннице стало противно решительно все, что она делала тут. Ей и с самого начала не нравилось все это. Но она не считала, что могла остановиться и повернуть назад, даже если бы ей того захотелось. И она перевела взгляд на постояльцев заведения.

— Кто притронется к ней, раньше вот этого попадет на тот свет, — сказала гостья, длинным пальцем указав на вышибалу, а до этого ткнув ноготком себе под ноги, на хозяйку. — А ты клади руку на стол и кричи, ведь страшно будет. А не закричишь — я уйду. Вот так просто.

Вышибала подчинился. Усилием воли он очистил свое лицо от какого-либо выражения. Да и страх перед неизбежным

(ведь он понимал, что не смог бы воспрепятствовать страннице; куда там, даже пять таких, как он, человек не управились бы с этим) у него отступил.

Беззвучно, в одном только своем уме, вышибала яростно проклинал человека, из-за которого светловолосая бестия вершила в заведении свои отвратительные дела. Даже сейчас вышибала продолжал считать, что странница пришла сюда по чью-то душу, но прибыла в место, где ее цели, кем бы она ни являлась, и духу никогда не бывало.

А если и бывало, и если он искусно прятался все это время среди присутствовавших, ничем не выдавая себя даже ски-талище, то он был самым вертким и гнусным из известных долгой памяти вышибалы на таких людей мерзавцем.

– Выходи! – закричал в голос вышибала спрятавшемуся подлецу, на случай если он был тут, когда из воздуха, что ли, возник кинжал в руке гостьи и понесся к плоти вышибалы с обнаженным алкающим лезвием.

Но не пролилась кровь из разрезанной глотки вышибалы, не покатилося его отсеченное ухо по столу, а затем по полу, и нос остался на лице целым и невредимым, даже не оцарапанным гранью пролетевшего прямо мимо него острия. Все, что вышибала почувствовал, когда отзвучал удар металла о дерево, было холодом между указательным и средним пальцами лежавшей на столе его ладони.

Вышибала посмотрел на свою руку, провел взглядом от предплечья к ладони и увидел чуть наклонно вошедший в

столешницу, аккуратно, через щель между его пальцами, кинжал гостыи – а тот подрагивал на пружинистом лезвии, ловил блики света из окон и от огоньков свечей.

Вышибала не издал ни звука. Он почему-то чувствовал, что этот удар не заденет его. И так оно и оказалось.

Тогда странница буркнула что-то о мужестве людском, выпустила рукоять кинжала и пошла в сторону двери.

В зале повисло горькое, почти картинное разочарование: мужчины на первом этаже ожидали кровавого зрелища с криками боли и катанием вышибалы по полу в агонии, а все завершилось так мирно. Один только вышибала понимал, что ожидаемое ими представление не преминет разразиться, и в гораздо более широком отношении, чем того хотелось бы всем.

Так же как вышибала почувствовал, что кинжал странницы не заденет его, ему вдруг стало понятно, что тонкой фигуре нельзя позволить добраться до порога двери, ибо она просто не собиралась переступить его.

Поэтому вышибала убрал со стола руку (при этом не смог не отметить искусную работу по лезвию и рукояти вонзившегося в столешницу кинжала) и заговорил вдогонку девушке в надежде хоть немного оттянуть время. Тем самым он в первую очередь спасал женщин заведения, во вторую – постояльцев и проходимцев, до которых до сих пор не доходило, куда все клонилось; о себе вышибала не думал, ибо не таким человеком был он, чтобы высоко ставить свою жизнь.

– Постой! – Странница остановилась в четырех шагах от порога. – Пойди прочь, если закричишь от того, что сделаю с твоей ладонью теперь я.

Скиталица пораздумала – вышибала будто увидел это по ее спине. Повернулась, подошла легким шагом с выражением интереса на лице. Положила руку на стол и пытливо посмотрела на вышибалу.

– Сначала принеси мой топор.

Гостья исполнила. Несколько напряглась, чтобы выдернуть топорик из стены. Однако было непонятно, глядя на нее, как в столь тонком теле вообще обитала сила сделать это.

Но вышибала не удивился ни капли.

Странница повторно положила ладонь на стол. Топорик в руке вышибалы ожил, заплясал между пальцами и завертелся.

– Разведи пальцы, – приказал он. – Я не так меток, как ты.

Девушка выполнила. Затем она стала наблюдать, как с возраставшей скоростью и увеличивавшейся силой топор вышибалы принялся падать между ее растопыренными пальцами и подниматься, справа налево, по кругу. На пятом круге стол затрясся под ударами, и из столешницы полетели щепки.

Кружки лихо опрокинулись, тарелки с едой бурно извергли свое содержимое, вилки, ложки и ножи забряцали, словно кости обглоданного и высохшего мертвеца друг о дружку на

взбесившемся ветру, когда в конце шестого круга человек со шрамом на голове расколол стол надвое последним ударом. Пахучая масса из хлеба, мяса, овощей и пьяного хмеля повалилась на пол.

Конечно, при всем этом скиталица и не моргнула. Она поднялась со скамьи и обвела взглядом помещение, с понятной целью и так же поступил вышибала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.